

ИСТОРИЯ МАФИИ

ДИДЬЕ ГУЛАР



ИЗДАНИЕ



ИЗВЕСТНЫЕ
УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА

ДИДЬЕ ГУЛАР

**ИСТОРИЯ
МАФИИ**

ВТОРОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Нет нужды говорить, что такое мафия,— ее знают все. Но в то же время никто не знает в точности, в чем именно дело. Этот парадокс увлекает и раздражает. По-видимому, невозможно определить, осознать и проанализировать ее вполне удовлетворительно и окончательно. Между тем еще ни одно тайное общество не вызывало такого любопытства и таких страстей и не заставляло столько говорить о себе.

Уже целый век мафия является излюбленной темой обширной литературы. Работа историков, репортажи журналистов, доклады о частных или официальных расследованиях и архивы полиции, посвященные мафии, бесчисленны. С одной стороны, радио, телевидение и кино создают на эту тему сенсационные передачи, «знаменитые» фельетоны и фильмы, пользующиеся большим успехом. Однако, несмотря на то, что на мафию постоянно направлены прожекторы, она сохраняет свою таинственность.

Некоторые доходят даже до того, что отрицают ее существование. «Это миф, легенда,— говорят они,— измышление журналистов и сценаристов», подтверждая таким образом правоту члена мафии Валаки, который, внезапно прервав рассказ о своих похождениях в «Коза ностра» (название мафии в Соединенных Штатах), с горечью сказал американскому журналисту Питеру Маасу:

— А впрочем, зачем рассказывать все это! Никто не станет слушать. Никто не поверит в это. Вы понимаете? Эта «Коза ностра» представляет собой как бы второе правительство. Это слишком грандиозно!

Именно к тем, кто не верил, и обращался Роберт

Кеннеди, тогдашний министр юстиции Соединенных Штатов, незадолго до того, как он был убит:

— Многие американцы воображают, что организованная преступность их не касается. Они не правы. Политическая и экономическая мощь организованной преступности возросла так быстро, что сегодня она затрагивает жизнь большинства из нас.

После внимательного изучения огромного досье мафии, по-видимому, невозможно не признать правоту Роберта Кеннеди. Для того чтобы убедить нас в этом, кажется, достаточно одной простой констатации. Роберт Кеннеди считал, что ежегодный доход «Коза ностра» исчисляется в «несколько миллиардов долларов»! Эта сумма превышает национальный доход такой страны, как Франция или Италия. Известно, каков источник этих денег: контрабандная торговля наркотиками, проституция, азартные игры, вымогательство, т. е. преступления. Легко угадать, куда потом идут эти деньги. Часть их, несомненно, используется на то, чтобы обеспечить деятельность «Коза ностра», покрывать ее общие расходы, в которых значительную часть составляют огромные суммы, используемые для того, чтобы давать взятки, подкупать или развращать тех, в ком нуждается данная организация, для того чтобы обеспечить свою защиту, скрывать свои преступления. Остальные деньги поступают в иностранные банки и по истечении некоторого срока пребывания в этом «чистилище» выходят «обеленные», готовые поступить в обширную сферу законных дел.

Поэтому вполне возможно, что хлеб, который мы едим каждый день, бензин, которым мы заправляем свою машину, или даже жилище созданы на те черные деньги, которые некоторые преступники получают, приобщая миллионы детей к потреблению наркотиков.

В этом смысле можно сказать, что это касается всех нас.

СЛОВО, НЕ ПОДДАЮЩЕЕСЯ ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Само происхождение слова «мафия» не очень ясно. Мы находим первые следы этого слова в 1862 году в названии пьесы Джузеппе Ричцотто, которая пользова-

лась большим успехом: «Мафийцы Викарни»¹. Несколько лет спустя, в 1869 году, это слово попало в «Малый словарь сицилийских слов» Траини, где оно определяется следующим образом: смелость, бравада, самодовольство. Но в словаре ничего не говорится о его происхождении. Прошло более 100 лет, а происхождение слова по-прежнему остается таким же таинственным и вызывает споры. Специалисты по-прежнему выдвигают несколько гипотез, ни одна из которых не является более убедительной, чем другие. Чаще всего говорят, что это слово арабского происхождения. Как известно, мавры занимали Сицилию с 827 по 1060 год и их цивилизация оставила глубокий след в западной части острова, т. е. именно в той части, где слово «мафия» появилось впервые. Защищая эту гипотезу в своей «Истории мафии», сицилийский историк Гаэтано Фальцоне пишет, что, возможно, это слово происходит от «мафаль», что означает собрание, встречу большого числа людей, а может быть, от «мафнас», что означает охранять, защищать, гарантировать кого-то от чего-то, и отсюда происходит слово «муафак», т. е. избавление, неприкосновенность, освобождение от всякого ига, охрана, покровительство. Фальцоне проводит свидетельство другого сицилийского историка — Джузеппе Питре, который рассказывает в своей книге «Обычаи, верования и предрассудки сицилийского народа», что он обнаружил слово «мафия» в одном квартале Палермо — Борго, где это слово означает «красота, величие, совершенство, смелость и доблесть».

Другие историки утверждают, что это слово зародилось позже, в конце XIII века, во время «Сицилийской вечерни», в результате которой в пасхальный понедельник 1282 года жители Палермо восстали против французов, оккупировавших остров, под возгласы «Италия желает смерти французам». Согласно другим гипотезам такое же рода это слово составлено из первых букв лозунга одной секты восставших в XIX веке, гласившего «Мадзини Ауторидза Фурти, Инченди, Аввеланаменти» (Мадзини разрешает грабежи, поджоги, отравления). Со своей стороны, Аволио (1875 год) колеблется между латинским происхождением от слова «вафер, ваферозус», что означает «хитрый», и французским происхождением

¹ Викария — так называлась тогда тюрьма в Палермо.

дением от старого слова «мефле», производного от слова «моф» (бог Зла), которое приводит Луазлер по поводу тамплиеров (храмовников). Что касается Мортилларио ди Вилларена (1876 год), то он считает это слово пьемонтским переводом, своего рода эквивалентом слова «каморра» (банда, клика).

Какому бы варианту ни отдавали предпочтение, совершенно ясно, что слово «мафия» вначале и потом еще долгое время не имело того пренебрежительного смысла, который вкладывают в него сегодня. Лишь в конце прошлого века этим словом стали обозначать, особенно в донесениях полиции, «ассоциацию преступников». По этой причине можно сказать, что подлинная мафия, о которой принято говорить, появилась в истории вместе с приходом Гарибальди на Сицилию и победой Савойской династии над Бурбонами. Но прежде чем дойти до этого, нужно дать название феям, как добрым, так и злым, которые присутствовали при рождении мафии и следили за ее первыми шагами.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАФИИ

Сегодня все сходятся на том, что мафия — это дочь Сицилии. Но ее происхождение по-прежнему окружено тайной. Некоторые, как мы уже говорили, утверждают, что мафия родилась в X или XII веке, во время сарацинской оккупации. Сицилийцы, находившиеся под господством своих новых хозяев, принесших с собой совершенно другую религию, язык и цивилизацию, не имели иного средства выжить, кроме как создать своего рода параллельное общество, «контробщество». Одним словом, первой формой мафии было организованное движение сопротивления.

Эта гипотеза была бы приемлема, если бы мавры были первыми завоевателями острова. Между тем, когда они туда прибыли, Сицилия была оккупирована уже более тысячи лет. Эта роковая неизбежность появления на острове поочередно всех народов Европы частично объясняется его географическим положением. Расположенный на стыке двух больших бассейнов Средиземноморья, он одновременно соединяет Европу, Африку и Азию. Поэтому понятно, почему крупные державы одна за другой пытались установить свой контроль над остро-

вом. Ведь речь шла об их безопасности или возможности расширения владений.

Говорят, что сицилийцы иногда довольно хорошо уживались с некоторыми из своих оккупантов, но остается один важный факт: они никогда не ассимилировались полностью. В этом, несомненно, в значительной мере виноваты захватчики, которые всегда рассматривали коренных жителей более или менее как колонизированный народ. Сицилийцы не смогли полностью сбросить с себя иго или основать сицилийскую нацию в собственном смысле слова, но им все же удалось остаться сицилийцами, а это — подлинное чудо. В таком постоянстве сицилийского характера, по всей вероятности, и заключается сущность духа мафии. Он существовал в течение многих веков до создания мафии, и этим объясняется одновременно его самобытность, двусмысленность и постоянство.

При такой гипотезе исторические корни мафии бесчисленны и невозможно назвать их все. Однако следует упомянуть две особенно сильные и живучие черты: народные герои и братства. История сохранила имя вождя, который положил начало знаменитой «Сицилийской вечерни» в 1282 году и руководил ею: это Жан де Прочида. В длинном списке народных героев Сицилии, который доходит до Сальваторе Джулиано, его без колебаний можно поставить в самом начале.

Первые несомненные следы братств появились позже. Историки упоминают братство «Беати Паоли», основанное в Палермо в 1670 году. Оно объединяло около десяти дворян, называвших себя «просвещенными дворянами»; их задача заключалась в том, чтобы защищать интересы своей касты. Это братство соблюдало ритуаль, свойственные каждой секретной организации, и имело обыкновение собираться в гроте, находившемся поблизости от церкви Сан Рокко. Другие братства образовались за пределами Палермо, в Багери, в Мопреле, в Кальтанисетте и, возможно, в других местах. Хотя не все они преследовали одни и те же цели, но функционировали примерно одинаково. По вполне понятным причинам безопасности братство состояло не более чем из десяти членов. Его возглавлял руководитель — «глава десятки». Иногда братство делилось на две группы, каждую из которых называли «mano».

Идеал, вдохновлявший этих народных героев, кото-

рых оккупанты называли бандитами, а сицилийский народ — «людьми чести», был очень сходен с идеалом, лежавшим в основе братств. Речь шла прежде всего о том, чтобы бороться против закона и власти захватчика, кто бы он ни был. Для этого все методы были хороши. От них требовалась лишь эффективность. Единственным правилом народных героев была знаменитая поговорка «Цель оправдывает средства». Народные герои точно так же, как и братства, уже были проникнуты духом мафии.

«УВАЖАЕМОЕ ОБЩЕСТВО»

Члены мафии не любят слово «мафия». Они даже отказываются применять его. По поводу одного репортажа о мафии, подготовленного на Сицилии для швейцарского телевидения, Доминик Фернандес рассказывает приблизительно следующее: «Если вы спросите сицилийца, что он думает о мафии, и он вам ответит: «Мафия? Не знаю такой», то вы можете быть почти уверены, что он — член мафии». Члены мафии предпочитают называть свою организацию «Уважаемое общество», так как слово «мафия» они считают пренебрежительным.

Историки пытались определить внутреннюю структуру «Уважаемого общества» и способ его функционирования. К сожалению, они еще не располагали показаниями какого-нибудь сицилийского Валаки, и выводы, к которым они приходят, зачастую противоречивы. В частности, они пришли к согласию в определении «семьи» по отношению к «коске». Вообще «семья» подразумевается в широком смысле слова. Семья — это не только родственники одной семьи, но и друзья. Слово «коска» на простом языке означает «сельдерей, артишок или латук». На языке мафии оно означает группу, в которой различные элементы связаны друг с другом подобно листьям сельдерея, растущим на одном стебле. Сомнение возникает по поводу того, образуется ли семья из нескольких коск или, напротив, коска — это объединение нескольких семей. Существует еще предположение, что эти два слова — синонимы. Единственное, что не вызывает сомнения, это то, что несколько коск или несколько семей образуют братство.

Лучше известен состав одной семьи или одной коски. Наверху ее стоит «капо» («глава»), которого в за-

висимости от степени близости с ним называют Дон или Дядя. Основу составляют «пиччотти». Они служат подручными «главе», которому обязаны полностью повиноваться и который распоряжается их жизнью и смертью. Между «главой» и «пиччотти» иногда имеются один или несколько промежуточных элементов—«капореджиме». Но это бывает редко. На Сицилии практически нет такого звания, которое очень важно в американской мафии. Во главе всей сицилийской мафии стоит «вождь», который является высшим руководителем и арбитром. Множество «глав», имеющих более или менее важное значение, повинуются ему, но при условии, что его власть не слишком вторгается в их собственную сферу.

Часто пытались нарисовать портрет идеального члена мафии. Для этого обращались главным образом к характеристике трех видных руководителей сицилийской мафии, трех Донов: Вито Кашо Ферро, Калоджеро Вичини, и Дженко Руссо, которые в течение полувека были подлинными хозяевами на острове. У каждого был свой собственный характер, и правление каждого отличалось какой-нибудь самобытной особенностью, но тем не менее у них было много общего и на основании этих общих черт можно составить своего рода типичный портрет члена мафии.

Прежде всего бросается в глаза, что он почти всегда является выходцем из очень бедной семьи и, как правило, из сельской местности. Он очень рано вынужден прекратить учебу в школе и зачастую малограмотен. Примечательно его судебное дело. На первый взгляд досье очень толстое, но при внимательном его изучении в конечном счете можно заметить, что правосудие в общем-то мало в чем может его упрекнуть. Хотя его много арестовывают за кражи, хищения и даже убийства, однако почти всегда оправдывают «за недостатком улик». Особо показательны пример Дженко Руссо. С 1921 по 1942 год преемнику Дона Кало раз двадцать предъявляли обвинения, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он отсидел в тюрьме только два года, а за это время его состояние и могущество не переставали расти.

ОН НЕ СКРЫВАЕТСЯ

Для члена мафии характерно также то, что он не прячется, не уходит в маки, как какой-нибудь вульгар-

ный бандит или хотя бы как Джулиано. Нет, он живет у всех на виду. Он даже хочет иметь почетное положение, которое обеспечивает ему почтительное отношение сограждан и возможность принимать у себя за столом сильных мира сего. Так, например, Дон Кало, подобно многим другим лидерам мафии, был мэром своего города.

Как правило, руководитель мафии, добившийся успеха, уже не молод. Тот факт, что он выжил, свидетельствует о его ловкости. Эта ловкость так замечательна, что стала даже легендарной. Между тем его принципы очень просты. Они заключаются в том, чтобы быть безжалостным со слабыми и уметь ловко манипулировать с сильными. Конечно, для того чтобы обеспечить себе свободу действий, руководитель мафии избегает заниматься политикой. Однако это не означает, что он проявляет безразличие к политике, отнюдь нет. Но его выбор определяется только его интересами. Он может добиваться голосования за христианского демократа на парламентских выборах и за коммуниста на муниципальных выборах. Как правило, он говорит мало, редко берет обязательства и никогда ничего не обещает. Он старается избегать столкновений с полицией и администрацией. Он предпочитает их «покупать» каждый раз, когда есть возможность. У него слабость к личному оружию и он согласен очень дорого заплатить за право ношения оружия. Он совсем не религиозен, но стремится поддерживать хорошие отношения с церковью, а приходский священник зачастую его друг. Его главная забота—достигнуть могущества. Он считает, что единственный путь к этому—нажить состояние. И здесь он не останавливается ни перед какими средствами. Все средства хороши, если они дают желаемый результат: совершить кражу, шантаж, вымогательство, убийство, унижить другого, довести его до нищеты или разорить и т.д. Эта задача во многом облегчается ему тем, что он презирает слабость и пренебрегает государством и его законами.

Однако из этого не следует делать вывод, что член мафии аморален. Напротив, у него есть своя собственная мораль, которая очень ясно определяется рядом сицилийских изречений: «У кого есть деньги и друзья, тому плевать на правосудие», «Виселица для слабых, а правосудие для трусов», «Если кто-то лишил себя

средств к существованию, лишн его жизни», «Влиятельный друг важнее, чем сто унций в кармане».

Сила и сплоченность мафии обеспечиваются в значительной степени благодаря безусловному повиновению каждого из ее членов руководителям, а также вследствие соблюдения строгих правил, выработанных мафией. Эти правила представляют собой подлинный «кодекс чести», который каждый новичок при своем посвящении клянется соблюдать.

«КАКИМ ПАЛЬЦЕМ ТЫ НАЖИМАЕШЬ КУРОК?»

После разоблачений Валаки в 1963 году очень много писали о церемонии принятия новичков в «Коза ностра». Неизвестно, соблюдается ли этот церемониал на Сицилии. Поскольку мафия образует там одну большую семью, можно усомниться в этом. Простое обещание поவிноваться местному главарю стоит всех клятв. В Соединенных Штатах условия совершенно иные. Вербовка будущих «солдат» является там более деликатным делом и требует там гораздо большей осторожности. Поэтому нет никаких оснований ставить под сомнение то, что Валаки рассказал Питеру Маасу о своем вступлении в семью Марандзано в 1930 году:

— Я бы сказал, что за столом сидело человек 40; когда я вошел, все встали. Здесь перемешались все—кателаммарцы и те, кто был с Томом Гальяно; следовательно, они составляли единое целое... Затем Марандзано предложил мне сесть справа от него на пустой стул. Кто-то положил передо мной револьвер и нож... Марандзано обернулся ко мне и сказал по-итальянски: «Это означает, что ты будешь зарабатывать себе на жизнь револьвером и ножом». Затем он спросил меня: «Каким пальцем ты нажимаешь на курок?» Я ответил: «Этим»,—и поднял указательный палец правой руки. Я раздумывал над тем, что он подразумевал, когда предложил мне сложить руки чашей. Тогда он положил туда клочок бумаги, который поджег спичкой, и сказал мне, что я должен повторять за ним, передвигая бумагу: «Вот так я умру, если выдам тайну «Коза ностра»... После этого Марандзано сказал: «Вот две самые важные вещи; заруби их себе на носу. Выдать тайну «Коза ностра» оз-

начает смерть без суда. Изнасиловать жену одного из членов также означает смерть без суда».

Затем Марандзано провел жеребьевку, чтобы решить, кто будет «крестным отцом» Валаки. Им стал Джо Бонанно. Он предложил молодому человеку протянуть палец, которым тот нажимает на курок, затем уколол его булавкой и подавил, чтобы оттуда выступила кровь. Тогда Марандзано сказал: «Эта кровь означает, что теперь мы образуем одну семью».

Как мы видим, этот церемониал имеет символическое значение. Его смысл заключался главным образом в том, чтобы произвести впечатление на новичка, заставить его взять обязательство в присутствии большого числа свидетелей. И наконец, он должен был знать, что его обязательство является окончательным.

В мафию вступают на всю жизнь. Только смерть разрывает эти узы.

Вступая в «Уважаемое общество», сицилийский «пиччотти» или американский «солдат» обещают соблюдать примерно один и тот же «кодекс чести». Мартин В. Дайзингс излагает этот «кодекс» в следующих пяти основных принципах:

1. Члены мафии взаимно помогают друг другу, каков бы ни был характер этой помощи.

2. Любое посягательство на одного из членов мафии в какой бы то ни было форме является посягательством на всех; за него следует отомстить любой ценой.

3. Они обязуются полностью повиноваться вышестоящим.

4. Когда нужно совершить правосудие, то члены мафии обращаются не к гражданским властям, а к самой мафии. Именно она судит. Именно она выносит приговор. Именно она приводит приговор в исполнение.

5. Если кто-нибудь по какой бы то ни было причине выдает имена членов организации, он может быть убит кем угодно, когда угодно; месть распространяется не только на него, но и на всю его семью.

Это последнее предписание является, несомненно, самым важным. В этой связи следует остановиться на двух главных принципах мафии: круговой поруке и кровной мести.

КРУГОВАЯ ПОРУКА (ОМЕРТА)

Мафия, по всей вероятности, обязана своей необычайной живучестью круговой поруке, закону молчания. Создается впечатление, что круговая порука существовала еще до мафии в собственном смысле слова. Во всяком случае без круговой поруки мафия никогда не могла бы существовать. Отказ говорить и добиваться защиты гражданских властей, несомненно, вызван тем фактом, что законы, которым должны были подчиняться сицилийцы, никогда не были их собственными законами, а были законами оккупанта, законами, навязанными извне. Соблюдать их или подчиняться им значило предавать своих. Такая привычка настолько глубоко укоренилась, что член мафии, который добровольно избирает американское гражданство, тем не менее продолжает отказываться подчиняться законам своей новой родины. Неважно, сицилиец он или американец, для него не существуют законы США.

Круговая порука всегда была тем первым правилом которое внушают молодому сицилийцу. Как только он начинает говорить, его учат молчать. Сегодня можно заметить, что пресловутая «стена молчания» была гораздо выгоднее мафии, чем сицилийскому народу. Прикрываясь этой стеной, мафия могла совершенно безнаказанно создавать свою мощь и накапливать богатство, тогда как сицилийский народ никогда не знал ничего, кроме нищеты и рабства. На Сицилии молчание является золотом лишь для некоторых.

Разумеется, ведя борьбу против официального закона, мафия устанавливала свой собственный закон. А с этим законом шутить нельзя. Для того чтобы заставить соблюдать правило круговой поруки, она ввела вендетту (кровную месть).

ВЕНДЕТТА

Единственное достоинство вендетты состоит в том, что это закон, который легко понять. Ее определение не двусмысленно: «По отношению ко всякому, кто нарушает правило круговой поруки, применяется вендетта». Если единственный конец вендетты—это смерть, то ее осуществление имеет бесконечное множество вариантов.

В 1921 году прокурор Палермо описывал ее следующим образом:

«Вендетта осуществляется варварским, диким, предательским способом, из засады, при помощи бритв, ножей, оружия, яда, обезглавливания, удушения, причем над трупами совершается надругательство, их поливают керосином и поджигают или обезображивают самым ужасным образом, для того чтобы все знали устрашающую мощь мафии».

Не следует думать, что эти «увечья» наносятся просто так. Они имеют вполне конкретный смысл, который понятен местным жителям. Так, например, по словам Микеле Панталеоне, камень во рту у жертвы означает, что этот человек был слишком болтлив. Если находят отрубленную руку, которая положена на грудь убитому, значит, это была рука вора. Совсем не все равно, у кого он украл: если бы он обкрадывал «других», то ему, конечно, ничего не сделали бы, но красть у члена мафии — это вещь непростительная. Если на шею убитому подвесили отрезанные половые органы, то это значит, что он изнасиловал или хотя бы просто пытался изнасиловать жену члена мафии. Случается также, что у человека вырваны глаза, которые кладут в кулак убитого. На сей раз это не болтун и не вор, а попросту хороший стрелок, который служил неправому делу, и т. д. Но чаще всего мафия даже не утруждает себя объяснением своих казней. Достаточно, если знают, что ее приговоры беспечелляционны и никакой покровитель, никакая охрана, даже толстые стены тюрьмы не могут помешать привести их в исполнение.

Как и все тайные общества, мафия выработала свой собственный язык, своего рода аргю, которое позволяет ее членам говорить на публике и не быть понятыми. Так, например, слово «туфа» (ныряние) означает револьвер, «гадду» (петух) — карабинера, «грашу» (грязь), как это ни странно, означает золото и т. д. Другие выражения стали знаменитыми: «у пиццу» и «амику ди л'амичи».

«У пиццу» — это сицилийское слово, которое означает «птичий клюв». Его можно встретить в выражении «замочить клюв», которое можно перевести выражениями «подмазать» или «дать чаевые». На языке мафии «у пиццу» приобрело смысл платы, которую Дон требует от крестьянина, дворянина или коммерсанта, если он обеспечивает им покровительство, «У пиццу» очень дол-

гое время было главным источником доходов мафии как на Сицилии, так и в Соединенных Штатах, где ему дали название «рэкет».

ДРУГ ДРУЗЕЙ

По поводу выражения «амику ди л'амичи» — «друг друзей» — также много говорили. В своей книге «Мафия и наркотики» Микеле Паиталеоне определяет его следующим образом:

«Это политический деятель, представитель свободной профессии, служащий, чиновник, который дал доказательство верности, солидарности с мафией. Это депутат, который обращается к министру, к префекту и начальнику полиции, полковнику карабинеров, а те в свою очередь переводят на другую работу подчиненного, который слишком усерден или слишком любопытен. Это присяжный заседатель, которому удается добиться оправдания подсудимого за недостатком улик... Это врач, который лечит подпольно.., адвокат, прославивший мастером в искусстве сбивать с толку свидетелей и истца, и т. д.»

Как мы видим, список «друзей» длинный, а главное, сеть сообщников, в которых нуждается мафия, очень широкая и обходится ей очень дорого. Можно констатировать также простоту ее системы: терроризируя одних, она получает «у пиццу», благодаря которой может заплатить другим, «друзьям», послушным и необходимым служителям.

Однако словам мафия предпочитает молчание. Она имеет целый репертуар жестов, а если два члена мафии встречаются, пусть даже без свидетелей, то им незачем много говорить для того, чтобы принять самые важные решения, чреватые самыми серьезными последствиями. Объятия, гримаса, определенный способ потушить сигару, простое молчание в ответ на безобидный, но полный смысла вопрос — всего этого достаточно для того, чтобы договориться или отдать распоряжение о приговоре к смертной казни.

Вполне понятная цель такого поведения заключается в том, чтобы оставить как можно меньше следов. Эта навязчивая идея об уликах типична для мафии. Так, например, нередко случается, что сицилийские доны или

американские боссы отказываются лично отвечать по телефону. Но эта дополнительная осторожность является излишней. Их язык так непонятен и лаконичен, что даже, если бы стены их домов были «нафаршированы» самыми усовершенствованными микрофонами, не удалось бы узнать ничего компрометирующего. Легко понять, до какой степени эта «защитная стена» в сочетании с пресловутой «стеной молчания» затрудняет задачи полиции и тем более задачи органов правосудия. Одновременное отсутствие как свидетелей, так и улики делает члена мафии почти неуязвимым.

Окружая себя стеной молчания, мафия в то же время предпочитает действовать в тени, а не у всех на виду. За последние несколько лет, главным образом благодаря разоблачениям Валаки, а также расследованиям, проведенным полицией, изысканиям комиссий по борьбе с мафией, а также показаниям таких писателей, как Микеле Панталеоне или Данило Дольчи, стали несколько лучше известны методы действия «Уважаемого общества», хотя, впрочем, это, судя по всему, никоим образом не помешало его дальнейшему подъему. Мафию сравнивали с гигантской паутиной, одновременно и тонкой, и прочной. Иногда удается прорвать ее в каком-то месте, но она тотчас же образуется снова. Причиной ее непрочности является ее масштаб и меняющееся многообразие сфер, которые она контролирует. Своей прочностью она обязана круговой поруке, многочисленной когорте друзей, которых она сумела приобрести, а также своей внутренней дисциплине, полному отсутствию угрызений совести, своему циничному оппортунизму и эмпиризму.

ПЕРВЫЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК МАФИИ

Можно сказать, что до своего официального появления между 1814 и 1870 годами, то есть в течение того периода, который называют Рисорджименто, мафия была почти исключительно сельским явлением: ее основные интересы связаны главным образом с деревней. Со времен продолжительного римского господства, в результате которого были созданы латифундии, обширные сельскохозяйственные владения, от которых она получала большую часть своих доходов, положение почти не изменилось. Изменилось только название. Латифундии стали

вотчинами. В течение веков эти вотчины принадлежат дворянам острова, и на Сицилии существует один из самых долговечных феодальных режимов во всей истории Европы. Удаленность от центральной власти и зачастую большие масштабы этих имений ставят серьезные проблемы перед их владельцами. Самое большое бедствие, с которым им зачастую приходится сталкиваться — это разбой, который выражается главным образом в похищениях и требовании выкупа или в краже скота. Для того чтобы бороться с ними, владельцы имений вынуждены заключать соглашения с единственной силой, способной поддерживать хотя бы видимость порядка, то есть с мафией.

Мафия немедленно поняла, какую выгоду она может извлечь из такого положения. Для этого ей нужно действовать на два фронта. С одной стороны, она должна сдерживать бандитов, но не уничтожать их, для того чтобы бароны не переставали бояться, а с другой стороны, она должна мало-помалу попытаться присвоить их имущество, поскольку сами они все более неспособны защищаться. Приблизительно это и произошло. Бароны, которые оказывались все больше и больше изолированными и во все более опасном положении, уезжали один за другим в города, поручив свои имения управляющим «габеллотти», которые должны были поддерживать порядок и взимать арендную плату. Разумеется, эти управляющие чаще всего являются членами мафии или становятся ее членами в силу обстоятельств. Менее чем за один век в связи с отъездом землевладельцев на Сицилии сложилось совершенно новое положение, которое Лампедуза прекрасно описал и проанализировал в «Гепарде». Теперь мафия навязывает свое господство в сельских местностях, устанавливая там свой порядок и террор и выжимая из крестьян гораздо больше, чем это могли сделать бароны.

Говорили, что мафия вела себя патриотически в период Рисорджименто и что без ее помощи Гарибальди никогда не смог бы добиться успеха. Приблизительно то же самое говорили, когда мафия облегчила высадку союзников на острове в 1943 году. В сущности мафия ведет себя патриотически лишь тогда, когда это совпадает с ее интересами. Точнее, стремясь быть полной хозяйкой у себя в доме, она занимает сепаратистскую позицию. Она поступает так не для того, чтобы сделать

сицилийский народ действительно независимым и ответственным за свою судьбу, а лишь для того, чтобы укрепить свою власть и охранять свои интересы. Между тем с 1812 года эти интересы оказались под угрозой. В тот год сицилийская конституция провозгласила отмену феодалного режима. На первый взгляд казалось, что данное решение касалось лишь землевладельцев, но в действительности оно затрагивало главным образом мафию, которая почти заняла их место или начинала вытеснять их. Тогда мафия решила, что настал момент избавиться от Бурбонов, которые до тех пор не слишком волновали ее, и воспользовалась первым же удобным случаем, то есть очень своевременным прибытием Гарибальди. По тем же причинам несколько лет спустя, в 1866 году, когда Савойская династия оказалась лишь таким же оккупантом, как и другие, мафия приняла участие в восстании Палермо против пьемонтцев.

Но Кавур решил крепко привязать Сицилию к «сапогу» Италии. Мафия, дальновидная и прагматичная по своему обыкновению, ограничилась тем, что приняла это к сведению. Поскольку пьемонтцы стали новыми хозяевами и было мало надежды выставить их за дверь, лучше было договориться с ними. Верная своей политике, заключающейся в том, чтобы заручиться поддержкой наиболее сильного, вместо того чтобы тщетно оказывать ему сопротивление, мафия снова приспособилась и организовалась. Очень быстро сложилось впечатление, что все наилучшим образом соответствует ее реальным интересам. В июне 1873 года генеральный прокурор Диего Тайяни без преувеличения сказал:

— В районе Монреале работают не менее шести руководителей мафии. Невозможно действовать вопреки им. Знаете ли вы, какие посты они занимают? Один из них — местный командир милиции, а пять других — офицеры Национальной гвардии. В Монреале никого не убивают и не совершают никаких преступлений без их разрешения, чтобы не сказать без их приказа.

ДОН ВИТО — «ДРУГ НАРОДА»

Между тем, несмотря на эту мощь и наглость, только через несколько лет появился человек, придавший мафии ее подлинный облик, который известен нам сегодня,

Создателя современной мафии звали Вито Кашо Ферро. Он был первым бесспорным хозяином. Он родился в 1862 году в небольшой деревне Бизакино, близ Палермо. Его отец был полевым сторожем у барона Инглезе. В ранней молодости он женился на учительнице и благодаря ей научился читать и писать. Этому небольшого багажа ему оказалось достаточно для того, чтобы вырваться из своей среды. И хотя он уже не был крестьянином, но еще не стал членом мафии. Напротив, вначале он, казалось, решительно отворачивался от нее. В конце века политическое положение на острове было весьма смутным. Социалистические и анархические группировки прибывшие с полуострова, пытались распространять свои идеи среди крестьян, которые благосклонно прислушивались к ним и даже хотели осуществить их, группируясь в «фаши». Вскоре разразились мятежи, которые были сурово подавлены правительством при эффективной помощи мафии. Любопытно, что молодой Вито не был на стороне порядка. Он сочувствовал другому лагерю. Он стал анархистом и возглавил небольшой фашо (отряд) в своей деревне. Он даже участвовал в занятии земель. Но мятеж крестьян был быстро подавлен, и молодой человек был вынужден бежать в Тунис. С его политической карьерой было покончено. Теперь его честолюбие заключалось в другом. Между тем от его кратковременного пребывания в лагере анархизма кое-что ему все же осталось. Вплоть до последних дней своей жизни Дон Вито будет называть себя «другом народа». Он вернулся на Сицилию в 1894 году и сразу же вступил в мафию. С этого момента его карьера была столь же быстрой, сколь блестящей. Он разработал систему охраны и организовал многочисленные похищения. На огромные суммы, полученные в результате этого, он смог купить земли и расширить свое могущество на законном основании. В 1898 году он был обвинен в похищении одной молодой девушки. Его судили, но в конечном счете он был оправдан за недостатком улик. Несмотря на этот удачный исход, он подумал, что лучше будет, если о нем немного забудут, и в 1901 году отправился в США. Он пробыл в Нью-Йорке несколько месяцев, чтобы установить контакт с местной мафией, а потом отправился в Новый Орлеан.

ДОН ВИТО — ОСНОВАТЕЛЬ «ЧЕРНОЙ РУКИ»

Для мафии эта поездка имеет историческое значение. В самом деле, впервые в Америку приехал настоящий сицилийский Дон и была установлена официальная связь между двумя мафиями. Дон Вито понимал, какую выгоду могут извлечь из этого союза обе мафии:

— Америку открыл итальянец, — говорит он, — но управляют ею ирландцы и евреи, это несправедливо.

Взяв в руки своих соотечественников, он поделился с ними опытом и таким образом в значительной мере содействовал созданию «Черной руки». Благодаря ему мелкие сицилийские эмигранты научились применять и проводить в жизнь в более широком масштабе старый метод своих предков «у пиццу» (рэкет) и распространять покровительство на те области, о которых до тех пор никто и не думал.

В 1904 году Дон Вито, считая, что «Черная рука» может теперь стоять на собственных ногах, выехал на Сицилию, где его ожидали другие столь же важные задачи. Однако он не перестает поддерживать тесный контакт со своими братьями по оружию в Новом свете и даже содействовать подпольной иммиграции своих соотечественников для того, чтобы они пополняли ряды американской организации.

Дону Вито было 42 года. Его «турне по Соединенным Штатам» лишь укрепило его престиж. Теперь его признают бесспорным главарем мафии. Это звание открывает перед ним все двери. Дворяне и депутаты, епископы и высокопоставленные чиновники — все рады причислить его к своим друзьям. Быть любимцем высшего общества Палермо — это любопытный реванш для крестьянского сына и бывшего мелкого анархиста. Между тем он не скрывает ни своего презрения, ни своих реальных устремлений. Его целью по-прежнему является власть — все больше власти, и богатство — все больше богатства. Чтобы достигнуть этого, он не перестает расширять свои владения. Вскоре он контролирует почти все «коски» острова, расширяя свое покровительство и мастерски организуя «у пиццу».

Для Дона Вито все прибыли хороши. Даже нищие Палермо имеют право на его покровительство. Получая от них «у пиццу», он обеспечивает им церковную паперть или уголок улицы, где бывает много народу. Даже влю-

бленные должны платить за право стоять под окнами своей красотки. Разумеется, на те средства, которые он получает от нищих или влюбленных, Дон Вито не может купить себе дворец в Палермо или новое имение в Конка д'Оро, но он совершенно справедливо полагает, что его будут больше уважать и ему будут больше повиноваться, если все сицилийцы, каждый по своим средствам, будут вынуждены платить ему свою долю налога. Когда ко всем относятся одинаково, то не бывает зависти.

О Доне Вито рассказывают историю, которая, может быть, является легендой, ибо никогда не было доказано, что ее подлинным героем является он, но она достаточно хорошо отражает отношение сицилийцев к нему. Это было в 1909 году. «Черная рука» уже причиняла много хлопот американской полиции. Префект нью-йоркской полиции Бингхэм решил послать на Сицилию своего лучшего сыщика лейтенанта Джозефа Петросино, поручив ему осведомиться о методах и организации мафии, а также заручиться содействием итальянской полиции для того, чтобы положить конец подпольной иммиграции молодых членов мафии, непрестанно пополнявших «Черную руку».

Лейтенант Петросино высадился в Палермо 28 февраля и остановился в гостинице «Отель де Франс» под вымышленным именем. Он тотчас же начал свое расследование, соблюдая полную осторожность, и казалось, что никто не обращает на него внимания. Через неделю, уверенный в себе, он послал первый доклад своим начальникам, сообщая им, что все идет очень хорошо и его исследования продвигаются. Несколько дней спустя, около 10 часов вечера, когда он шел по площади Марина, какой-то человек выскочил из машины и убил его четырьмя выстрелами из револьвера. Когда прибыла полиция, Петросино уже был мертв. Площадь Марина была полна народа, но никто ничего не видел и не слышал. Что же касается убийцы, который исчез, как и появился, никто не знал, как он выглядит. Не заметили даже марку его машины.

БЕЗУПРЕЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Между тем, как только стало известно настоящее имя убитого, в Палермо все сразу решили, что убийство со-

вершил Дон Вито собственной персоной. В тот вечер он как раз ужинал у одного сенатора. Рассказывают, что он поднялся из-за стола до конца ужина, извинился перед хозяином, сказав, что должен на некоторое время уйти, чтобы уладить одно срочное дело, а затем уехал на своей машине. Спустя четверть часа он вернулся.

Если народная молва приписала Дону Вито это убийство, то потому что оно было примечательно по крайней мере в двух аспектах: это было безупречное преступление (виновного так и не нашли) и это было преступление в стиле мафии (только хозяин сицилийской мафии мог ответить на вызов, брошенный американской полицией на его собственной территории).

Убийство Петросино, организованное вне всякого сомнения мафией, наделало много шума в Италии и Соединенных Штатах. Президент Рузвельт выразил соболезнование вдове лейтенанта, а государственный департамент потребовал, чтобы итальянское правительство нашло виновного. Дона Вито арестовали, но без особой надежды на успех. Его судили, но отпустили за недостатком улик. После этого, несмотря на требование Вашингтона, дело было прекращено.

В результате слава Дона Вито еще больше возросла. Микеле Панталеоне описывает его в книге «Мафия и политика»:

«Он был высокий, элегантный и изысканный; трудно было подумать, что это малограмотный, закоренелый преступник; престиж Дона Вито достигал невообразимых высот; он был желанным гостем в лучших особняках, его приветствовали самые высокие деятели; ему была свойственна типичная щедрость человека, который не успевает считать деньги и не знает, откуда они берутся. Когда он разъезжал из провинции в провинцию в Западной Сицилии, то мэры деревень, куда он приезжал, встречали его у околицы и выражали свое уважение, целуя ему руку».

После 1909 года царствование Дона Вито продолжалось еще 10 лет; в этот период мафия сначала достигла апогея своего первого золотого века, а затем мало-помалу попала в фашистские западни. Но в 1909 году ничто еще не предвещало этого мрачного будущего. Напротив, дела «Уважаемого общества» были блестящими, как никогда. Введение всеобщего избирательного права в 1912 году было для него неожиданной находкой в связи с

предвыборной борьбой. Эта борьба позволила ему овладеть «вотчинами», а затем установить свой контроль над администрацией коммун. Теперь руководители мафий стали хозяевами и деревни, и города, и депутаты были обязаны им своими местами в парламенте.

РЕАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ЗАКОННАЯ ВЛАСТЬ

Для того чтобы обеспечить победу своих кандидатов, мафия ввела метод, который действовал безотказно. За несколько дней до выборов «пиччотти» приходят к избирателям и дают им четкие инструкции относительно того, как они должны голосовать. Горе тем, кто не выполнит эти инструкции, их закрома будут сожжены, их скот зарезан, а посевы вытоптаны. Однако, несмотря на эти рекомендации, за ними следят вплоть до дня выборов и их отпускают лишь тогда, когда долг выполнен. Кандидат следующим образом рассказывает нам о такой интересной сцене:

— Недалеко от избирательных участков группа подозрительных людей образовала своего рода заграждения. Избирателя сначала останавливали и избивали, а потом приглашали «пропустить стаканчик». После тщательного обыска ему вручали бюллетень кандидата правительственной партии, и бедняга в сопровождении двух негодяев отправлялся к председателю избирательной комиссии, который очень вежливо брал у него избирательный бюллетень и опускал его в урну.

Теперь реальная, да к тому же еще законная власть принадлежала мафии, аппетит которой не переставал расти; она охотно распространяла свою власть на города, тем более что в сельских местностях, судя по всему, уже нечего было взять. Она начала с Палермо, где уже пустила глубокие корни, а затем распространила свою власть на Трапани, Агридженто, Кальтанисетту. Любопытно, что Мессина, Катания, Сиракузы и вообще все восточные города острова сопротивлялись ее проникновению.

Это явление вызвало недоумение всех специалистов по мафии, и ни одному из них не удалось четко объяснить его.

«Следует ли думать, — пишет Жан Сюзини, — что различные захватчики укоренились в том районе, куда они

вторглись, и таким образом распространили среди населения варианты культуры, сопротивлявшиеся исторической эрозии?»

Вполне возможно, и пока еще не предложили ничего более убедительного, но этот вопрос по-прежнему стоит.

И хотя на востоке продвижение мафии затормозилось, все же она победоносно распространяла свое могущество повсюду в других местах. Вступление Италии в войну в 1915 году, вместо того чтобы помешать росту мафии и затормозить ее могущество, напротив, лишь укрепило ее. Поскольку у государства были другие проблемы, вызывавшие озабоченность, оно предоставило мафии полную свободу, которой она пользовалась без всякого зазрения совести. Реквизиции и отдача с торгов обеспечивали ей новые и неожиданные источники доходов. Что касается молодых «пиччотти», которые испытывали отвращение не к оружию, а к военной форме и военной дисциплине, то они дезертировали тысячами, зная, что Дон Вито позаботится о них. И действительно, этот последний, как предусмотрительный вождь, подпольно переправлял их в Соединенные Штаты, где уже было обеспечено их вступление в ряды «Черной руки».

ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ

Однако, когда война закончилась и исчезли выгодные дела, для Дона Вито начались трудности. После войны в Италии наступило смутное положение, полное угроз для мафии. В ее ряды внезапно влилось множество бывших фронтовиков, которые собственными глазами видели ужасы войны, а главное, жаждали могущества.

Дон Вито быстро понял опасность этой новой недисциплинированной и инакомыслящей волны для «старой мафии», которую он по-прежнему возглавлял. Но он тщетно применял весь свой авторитет для того, чтобы попытаться успокоить своих молодых волков; ему не удавалось сдерживать их. Новички, не слишком склонные считаться с иерархией, которая, по их мнению, устарела, отказывались соблюдать традиционные предписания об осторожности, которые до сих пор соблюдали старшие. Напротив, нарушив молчаливый пакт, не без труда установленный между Римом и «Уважаемым обществом», они набросились на остров, как на завоеванную страну,

и об их эксцессах быстро заговорили. Это было серьезной ошибкой, за которую новый хозяин Италии Муссолини, пришедший к власти в 1922 году, вскоре заставил их жестоко поплатиться.

Вначале, до 1924 года, дуче, несмотря на свое прошлое социалиста, судя по всему, не испытывал особой антипатии к мафии. Конечно, до этого он плохо знал ее или не имел времени уделить ей особое внимание. Его ненависть к мафии, очевидно, зародилась стихийно в Пьяна-дей-Гречи. Там было уязвлено его самолюбие, что заставило его немедленно объявить войну «Уважаемому обществу».

ИНЦИДЕНТ В ПЬЯНА-ДЕЙ-ГРЕЧИ

Это знаменитый инцидент, о котором часто рассказывали. Через два года после похода на Рим, Муссолини решил совершить поездку по Сицилии. Он поехал не один, а в сопровождении многочисленных офицеров и целой когорты полицейских в штатском и карабинеров, которым было поручено охранять его. Во время его пребывания в Пьяна-дей-Гречи мэром этого города Дон Чиччо Кучча, который, разумеется, был членом мафии, приветствуя его, не смог удержаться от восклицания:

— Зачем же столько полицейских? Когда я рядом с Вами, то Вашей милости нечего опасаться!

Это была чистейшая правда, но дуче не понравилось. Конечно, он с некоторым основанием считал, что безопасность главы итальянского государства не должна зависеть от доброй воли мафии. Кроме того, он должен был подумать, что эти две силы — мафия и фашизм — скорее могут противостоять друг другу, чем договориться друг с другом, и что лучше без промедления избавиться от мафии.

Вернувшись в Рим, он отдал приказ арестовать мэра Пьяна-дей-Гречи. Обращаясь к депутатам, он сказал им:

— Господа, пора уже мне рассказать вам, что представляет собой мафия, но прежде всего я хочу лишить это сборище головорезов всякой поэтичности, привлекательности. Пусть никогда не говорят о благородстве, о рыцарстве мафии.

Затем он назначил полицейского Чезаре Морни префектом Палермо и дал ему неограниченные полномочия.

Действуя таким образом, Муссолини был не свободен от задних мыслей. Он знал, что уничтожив мафию, он одним выстрелом убьет двух зайцев. С одной стороны, он сможет заручиться поддержкой крупных землевладельцев, которые будут счастливы, что им удастся избавиться от позорной зависимости от главарей мафии, но главным образом он заботился о порядке и хотел, чтобы крупная консервативная партия, наконец, увековечила свои привилегии. С другой стороны, он знал, что Мори воспользуется предоставленной ему полной свободой для того, чтобы мимоходом обезглавить либеральную оппозицию.

СПЯЧКА

Репрессии Мори были ужасными. Итальянское правительство впервые повело наступление на мафию и делало это при помощи оружия самой же мафии, т. е. цинично, жестоко и не считаясь с законом. Применяя войска, фашистскую милицию и карабинеров, Мори проводил бесчисленные облавы. Разумеется вместе с виновными задерживали и ни в чем не повинных людей. Но всех судили, и перед органами правосудия Палермо, Шакки и Термини-Имересе предстали сотни обвиняемых. Для того чтобы вырвать признания и разрушить круговую поруку, фашистская полиция не остановилась перед применением пыток. Она не стеснялась фабриковать ложные улики. Сам Дон Вито не ускользнул из сетей Мори. Приговоренный к пожизненному тюремному заключению на основании сфабрикованных улик, старый главарь мафии ограничился тем, что сказал своим судьям:

— Господа, вы не можете доказать мои многочисленные реальные преступления и вынуждены вынести мне приговор за то единственное преступление, которого я не совершал.

Высшего руководителя мафии бросили в тюрьму, как обыкновенного вора, тысячи «пиччотти» были посланы на каторгу, большинство руководителей сосланы на острова Липари. Можно было подумать, что Мори успешно выполнил свою миссию и что мафия никогда больше не сможет оправиться после такой Варфломеевской ночи. Между тем дело обстояло не так, ибо главное — дух мафии не был сломлен. Мафия была обескровлена, но не

убита. Благодаря своей необычайной способности приспособляться она лишь сделала вид, будто перестала существовать. Она затаилась, спряталась, впала в спячку, а тем временем набирала силы и дожидалась удобного случая, чтобы возродиться. Впрочем, она могла позволить себе такую роскошь. Ведь за океаном у нее был необычайно живучий и взрослый ребенок, который в нужный день пришел ей на помощь.

ОТ «ЧЕРНОЙ РУКИ» ДО «КОЗА НОСТРА»

1860 год большинство криминалистов считают датой создания мафии в Америке. Эта точность, конечно, чрезмерна. Можно с уверенностью сказать лишь одно: примерно в 60-е годы в Соединенные Штаты прибывают первые партии итальянских эмигрантов. Среди них много сицилийцев. Само собой разумеется, что некоторые из них — члены мафии. Но не следует думать, что эти люди, оторванные от родной почвы, сразу же организовались. Им нужно прежде всего приспособиться, и именно благодаря этому приспособлению зародится американская мафия. Конечно, она сохранит дух и методы, свойственные ее сицилийскому происхождению, но ей будет присуща и определенная самобытность.

В большинстве случаев всех этих южных итальянцев гнали в Америку нищета, голод или надежда на лучшую жизнь. Однако, то, что они находят в конце поездки, не совсем соответствует их мечтам. Почти все они католики, крестьяне и неграмотные. Страна, в которую они приехали, является большей частью протестантской, и хотя у нее еще нет своих традиций, она полностью игнорирует их традиции. А главное, они прибыли последними; хорошие места уже заняты, а этнические группы, которые опередили их, — ирландцы, сврен, греки и славяне, ревниво оберегая свое первенство, не облегчают им задачу.

Итальянцы, которые вначале были унижены и разочарованы, вскоре организовались. Они объединились, сплотились, лишний раз поняв, что в сплоченности — сила, и создали в каждом городе «маленькую Италию», где пытались с грехом пополам воссоздать свою прежнюю жизнь. Таким образом, после того как сицилийцы объединились с сицилийцами, неаполитанцы с неаполитан-

цами, они смогли успешно сопротивляться окружающей их враждебной среде.

Между тем благодаря своему мужеству, своему упорному труду, своему уменью жить и выкручиваться итальянская колония не только выжила, но и сумела завоевать для себя место под солнцем. Параллельно с этим в таких благоприятных условиях возродилась мафия. Хотя нельзя сказать, что американскую мафию создала итальянская колония, следует, однако, признать, что она послужила для нее колыбелью. Без этой колыбели, без этой благоприятной среды, а иногда и сообщничества, вполне вероятно, мафия никогда не появилась бы на свет в Америке.

Через 30 лет после прибытия первых пионеров мафии (следовательно, понадобилось целое поколение для того, чтобы она была воссоздана и пробила себе путь), в 1890 году, историки сообщают о банде сицилийцев в Новом Орлеане, где она диктует свои законы в порту. Ни на одном грузовом судне не может быть произведена погрузка или разгрузка без ее разрешения, иначе говоря, без внесения «у пиццу». Почти в то же самое время появляется знаменитая «Черная рука», которая пока что свирепствует лишь в итальянской колонии.

«Причиной этого названия,— объясняет Питер Мас,— была грубо нарисованная черная рука под письмом с требованием денег, которое посылали определенной жертве, угрожая убить или искалечить детей адресата в случае, если он не внесет плату».

Эти вымогательства применялись не только к богатым, как, например, к знаменитому Карузо, от которого потребовали 5 тыс. долларов, но также к самым бедным, будь то рабочий или торговец овощами, которые должны были каждую неделю отдавать один доллар дежурному члену мафии. Кто отказывается это делать, рискует многим. Его лавку могут взорвать бомбой, а самого даже убить ударом ножа из-за угла. Тем временем американцы в подавляющем большинстве, да и сама полиция хранят ледяное спокойствие. Они считают, что до тех пор, пока эти методы затрагивают лишь «своих», они не имеют особого значения.

Между тем один инцидент все изменил, и впервые слова «мафия» и «Черная рука» появились на первой странице газет. 18 октября 1890 г. начальник полиции Нового Орлеана Дейв Хеннесси был найден убитым.

Арестовали большое число подозрительных. Но в Америке также действует закон круговой поруки. За недостатком улик они были оправданы. Возмущение жителей Нового Орлеана достигло предела. Ночью они ворвались в тюрьму и линчевали заключенных. Тогда стали возмущаться итальянцы как в Америке, так и в Европе.

ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК ПРОДАЕТСЯ

Во время всей этой шумихи прибыл Дон Вито, который установил контакт со своими «братьями по оружию». После первых излияний он подверг их суровой критике. Во-первых, он резко упрекнул их за убийство полицейского. Он повторял им, что одно из основных правил мафии — никогда не вступать в столкновение с властями. Если хотят нейтрализовать их или воспользоваться ими, то наилучшее оружие, единственное оружие, которое можно применять, — это деньги. Любой человек продается, будь то полицейский, депутат или сенатор. Все дело в цене. Конечно, нужно еще найти деньги. В этом отношении Дон Вито также призывает к осторожности: «Можно снимать сливки,— говорит он,— но не нужно разбивать горшок».

Известно, что Дон Вито три года пробыл в Соединенных Штатах и не терял времени даром. Подобно тому, как он создал современную мафию на Сицилии, он реорганизовал и полностью перестроил ее блестящего американского отпрыска. Будучи уверен, что старая сицилийская система защиты действует безотказно, если ее соответствующим образом приспособить, он научил ее правилам и обычаям своих новых учеников. Затем он постарался разъяснить им выгоды иерархии и дисциплины. Когда он отправился на пароходе в Палермо в 1904 году, то «Черная рука» могла гордиться тем, что она догнала, если не перегнала, другие преступные организации в Америке, которые между тем существовали дольше, чем она, — ирландские и еврейские банды.

Уроки Дона Вито вскоре дали свои плоды. Охватывая все новые города и штаты, мафия расплывалась, подобно масляному пятну. Рэкет был организован в большом масштабе и вышел за пределы итальянской колонии. Поэтому общественность начала беспокоиться, и

полиция была вынуждена вмешаться. Именно в тот период префект полиции Нью-Йорка поручил лейтенанту Джозефу Петросино покончить с этим слишком быстрым ростом, который чересчур бросался в глаза. Петросино — итальянец по происхождению, и это позволяло ему понять образ мышления его противника, которого он не щадил. За несколько месяцев он арестовал большое число членов мафии, а еще больше отправил в Италию. Но тем не менее «Черная рука», судя по всему, продолжала процветать, и для того, чтобы попытаться прекратить незаконную иммиграцию, Петросино отправился в Палермо. Дальнейшее известно.

Несмотря на смерть своего лейтенанта, а может быть, и из-за этой смерти американская полиция продолжала преследовать «Черную руку», и, по-видимому, с некоторым успехом, ибо с 1910 по 1920 год отмечалось явное сокращение рэкета.

Но один новый факт все изменил и вернул мафии мощь и процветание. 17 января 1920 г. протестантские церкви добились принятия конгрессом XVIII поправки к конституции США, провозглашавшей запрещение производства и продажи алкоголя. Это значило открыть перед мастерами контрабанды огромный рынок — рынок самой могущественной и самой богатой страны в мире. Американское процветание не было миражом. Экономика страны бурно развивалась. Ее доход утроился за десять лет.

Города росли с невероятной быстротой. Доллар стал международной валютой, а нью-йоркская финансовая биржа начинает соперничать с лондонской биржей.

Однако Америка 20-х годов еще оставалась огромной стройкой, где в полном беспорядке активизировалось формировавшееся общество. Каждый мог там надеяться нажить состояние. Все зависело от предприимчивости. Все было возможно. Так рассуждали и члены мафии, которые теперь вросли в это общество. Они имели все шансы для того, чтобы извлечь наибольшие выгоды из сухого закона. Ни одна этническая группа не была так подготовлена к тому, чтобы удовлетворять спрос тысяч подпольных питейных заведений, которые стали открываться повсюду в стране. Итальянцы, чаще всего крестьянского происхождения, привыкли сами готовить спиртные напитки, небольших семейных «винокурен» было множе-

ство. Мафии оставалось только взять под свой контроль это кустарное производство и придать ему индустриальный масштаб.

ОСНОВАНИЕ «СИЦИЛИЙСКОГО СОЮЗА»

Не одна только мафия хотела завоевать этот огромный рынок. Он соблазнял также ирландцев и евреев, и они представляли собой опасных конкурентов. Мафия понимала, что для борьбы с ними нужно собрать все свои силы. Ее тогдашним главарем был Джо Массерия. Он поручил своему помощнику Фрэнку Костелло вызвать главных руководителей. Первая встреча, назначенная на 5 декабря 1928 г., была прервана прибытием полиции. Вторая встреча состоялась несколько месяцев спустя, 13 мая 1929 г., в отеле «Атлантик-Сити». Она прошла без инцидентов. Присутствовали все главные боссы — 27 человек, которые прибыли почти отовсюду — из Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и Нового Орлеана. Самыми видными из них были Массерия, Костелло, неаполитанец Аль Капоне, Джо Адонис, Джунта, Винсент Мангано и Джо Профачи. Это было первое такого рода совещание на высшем уровне. Оно продолжалось три дня, и на нем состоялся бурный обмен мнениями и напряженные дискуссии. Но окончилось оно успешно, и принятые решения оказались очень важными. Самое важное решение заключалось в том, чтобы устранить из мафии «чужаков», т. е. несицилийцев. В крайнем случае согласились допустить некоторых неаполитанцев, например таких, как Аль Капоне или Вито Дженовезе. На свет появился «Сицилийский союз», или иначе говоря, «Коза ностра». Другие решения, принятые на той же встрече, касались, главным образом, внутренней организации мафии: создание большого совета, который должен был разрешать все споры между членами; создание общей казны за счет взимания определенного процента со всех источников доходов: рэкета, азартных игр, проституции и т. д. Эти средства предназначались для подкупов и взяток полицейским, чиновникам, адвокатам, политическим деятелям, короче говоря, всем «друзьям», чьи услуги могут оказаться когда-нибудь полезными. Этот фонд, предназначаемый исключительно для коррупции, вскоре достиг суммы в несколько миллионов долларов.

Следовательно, встреча в «Атлантик-Сити» имела исключительно важное значение. С этих пор мафия изменила свой облик и представляла собой уже не сборище тоскующих по своей стране бродяг, которые рисуют черную руку под письмом с угрозами, а настоящее современное предприятие.

Разумеется, такой империи нужен был глава. Недостатка в кандидатах не было. Наиболее видным из них являлся Аль Капоне, но он не был сицилийцем и, несмотря на свою знаменитость, отнюдь не пользовался единой поддержкой. В конечном счете борьба за власть ограничилась борьбой между Джо Массерией и Сальваторе Марандзано, хладнокровными, жестокими, бессовестными и готовыми на все для достижения своей цели. Каждый имел своих сторонников, и силы их были примерно равны. Все сторонники Марандзано — это выходцы из одного небольшого порта на Западной Сицилии — Каstellамаре-дель-Гольфо. Их называли кастелламмарцами, и война между двумя претендентами за руководство мафией стала называться по их имени. Среди них — Джо Бонанно, Стефано Магадино и Джо Профачи. На стороне Массерии, которого называли также Джо Босс, объединились сицилийцы и неаполитанцы. Самые известные — это Джо Адонис, Фрэнк Костелло, Вито Дженовезе, а главное, Лакки Лючано.

ВОЙНА КАСТЕЛЛАММАРЦЕВ

Война между двумя группировками разразилась в начале 30-х годов. Она продолжалась год и закончилась внезапно и неожиданно. Главные помощники Массерии Лаки Лючано и Вито Дженовезе выступили против своего вождя. Точные причины этого предательства неизвестны, но можно предположить, что Лючано считал методы Массерии, в частности его советы не заниматься торговлей наркотиками, слишком консервативными и устаревшими.

Блестящая карьера Массерии оборвалась 15 апреля 1931 г. в ресторане «Скарпато» Кони-Айленда. Он затракал вместе с Лючано, Дженовезе и другими друзьями. После игры в карты большинство ушло. Вдруг, незаметно посмотрев на часы, он поднялся и отправился в туалет. Во время его отсутствия четверо убийц проникли

в ресторан и разрядили свое оружие в Массернио, который скончался на месте.

Дальнейшее известно благодаря сообщениям, которые Валаки сделал Питеру Маасу. Сразу же после гибели Массерии Марандзано собрал всех своих друзей в большом зале Бронкс, близ Вашингтон-Авеню, и затем объявил им, что «теперь все изменится». Присвоив себе звание «вождя всех вождей», он сообщил, какой станет теперь организация «Коза ностра». С этого дня она будет разделена на семьи. Каждой семьей будет руководить свой капо (глава). В его распоряжении будет сотто-капо, несколько заместителей, или капореджиме, и многочисленные «солдаты». Обращаясь к этим последним, Марандзано изложил правила, которым они должны будут следовать:

— Например, сказал он им, когда солдат хочет видеть своего хозяина, то он должен обратиться сначала к его заместителю. Если дело достаточно важное, то заместитель устроит встречу. Иначе говоря, солдат не имеет права обращаться к своему начальнику непосредственно. Идея заключается в том, чтобы поддерживать функционирование и порядок.

В заключение Марандзано распределил посты руководителей пяти нью-йоркских семей: первую возглавил Лючано, а его помощником стал Вито Дженовезе, вторую — Том Гальяно, третью — Джо Профачи, четвертую — Джо Бонанно, пятую — Винсент Мангано. После этого новоиспеченный «вождь всех вождей» отпраздновал обновление «Коза ностра» в большом ресторане Бруклина.

ТРЕТИЙ МОШЕННИК

Его триумф был недолгим, и его управление продолжалось едва лишь пять месяцев. 10 сентября вождь кастелламмарцев был убит в своем собственном кабинете, на Парк-Авеню, 230. Сегодня благодаря все тому же Валаки известно что подстрекателем к этому новому преступлению был Лючано. Предав Массернио, он то же самое повторил и с Марандзано. У удачливого Лючано длинные зубы. Он уже долгое время маневрировал в тени, чтобы захватить власть. Теперь он ее получил. Его мощная и необычайная личность наложила свой отпеча-

ток на всю историю американской мафии в последующие годы.

Сальваторе Лукания, родившийся в 1897 году в провинции Палермо, прибыл в Нью-Йорк в десятилетнем возрасте. Он переделал свое имя на английский лад и стал называться Чарли Лючано. Он сразу же попал в преступную среду. Уменьшительное «Лакки» («счастливчик»), которым его вскоре окрестили, ознаменовало начало его легенды. Однажды, как гласит эта легенда, он был похищен соперничающей бандой, которая не без оснований заподозрила, что ему известно, где его друзья прячут наркотики. Его доставили в пустынное место, подвесили к ветке дерева за большие пальцы рук. Тщетно его пытали бритвами и зажженными сигаретами; он отказался говорить. В конце концов его мучители покинули его, думая, что он умер, тогда как в действительности он лишь потерял сознание. Это приключение, о котором быстро стало известно преступной среде, уже окружило его ореолом некоторого престижа. Каждый знает, что маленький Лючано соблюдает закон круговой поруки, что он умеет получать удары и что он везуч. С этого момента его подъем был молниеносным. Он устроился так, чтобы не получать больше ударов. Напротив, это он раздает удары. Что же касается удачи, то она его не покинула.

После того, как были ликвидированы Массерия и Марандзано, поле осталось свободным. Но человек «с тихим голосом и холодными глазами» старается не повторять промахов своих предшественников. Он так же жаждет власти, как и они, но гораздо лучше умеет скрывать свое честолюбие. Для начала он упразднил слишком напыщенное звание «вождь всех вождей». Не будет он «Хозяином хозяев», он будет просто Хозяин (Босс). Не затронув реформ Марандзано, он сделал их более гибкими и поставил на ключевые посты своих друзей Костелло и Дженовезе. Сохраняя большинство в сицилийском клане, он в то же время сближается с бандами, которые прежде были конкурирующими, как, например, банды Датча Шульца, Лунса Бухальтера или Мейера Ланского. Доказав свою дипломатичность и ловкость, он полностью посвятил себя осуществлению своего плана, благодаря которому стал самым выдающимся руководителем мафии по сей день. Этот план заключался не более и не менее, как превращение «Коза ност-

ра» в мировую державу, своего рода государство в государствах, которое мало-помалу опутало всю землю, точно огромной паутиной. Лючано стремился сделать этот гигантский трест преступности как можно более разнообразным. К азартным играм, лотерее, притонам и всякого рода рэкету он добавил проституцию, а главное, контрабандную торговлю наркотиками. Вскоре она принесла мафии такие огромные доходы, что их нельзя даже определить с точностью хотя бы до одного миллиарда долларов.

В ПЕРВОМ ТУРЕ ВЫИГРАЛ ДЬЮИ

Между тем Лючано погубили не наркотики, а дома терпимости. Его заклятому врагу, прокурору по специальным делам Томасу Дьюи удалось добиться показаний нескольких проституток. 17 июля 1936 г. Лючано был приговорен к 35 годам тюремного заключения и отправлен в тюрьму Даннемора, близ канадской границы, где так холодно, что ее прозвали «Сибирь».

После того, как посадили Лючано, его обязанности временно стали исполнять два его помощника — Дженовезе и Костелло. Эти два человека не любили друг друга, но, хотя Босс был далеко от Нью-Йорка, он по-прежнему присутствовал среди них. Никто не посмел бы не повиноваться ему и уж тем более захватить его место. Что же касается грозного Томаса Дьюи, то, хотя он мог порадоваться своему первому успеху, он знал, что его задача отнюдь не решена. Нужно, чтобы скатилось еще много голов, если хочешь покончить с мафией. После устранения Лючано он решил повести наступление на его самого опасного помощника, т. е. на Вито Дженовезе. Но этот последний, более осторожный, чем его хозяин, предпочитает, чтобы о нем забыли, и в 1937 году отправляется в Италию. В чемодане с двойным дном он увез 750 тыс. долларов, а с такой суммой он не боится фашистов.

Оставшись в одиночестве, Костелло ограничивается осторожным управлением: никаких взрывов, никаких нововведений. Впрочем, это диктуется самими обстоятельствами. Бездумные и легкие годы ушли в прошлое, и для того, чтобы выжить, «Коза ностра» должна выглядеть респектабельно. Костелло понял это одним из пер-

вых. У него хватило ума обеспечить видимость законности, вложив все свои прибыли в совершенно respectable дела, как, например, нефтяная промышленность или недвижимое имущество. Вскоре его примеру последовали все другие руководители мафии.

Тем временем в Европе разразилась война. Италия выступила на стороне Германии. Но чужие конфликты не пугают мафию. Напротив, она умеет извлекать выгоду из смутных ситуаций. Кроме того, благодаря Вито Дженовезе она прекрасно осведомлена о том, что происходит на Сицилии. Но если «Коза ностра» пока ограничивается наблюдением, то «Уважаемое общество», подобно спящей красавице, уже слышит, как приближается тот, кто наконец разбудит ее от долгого сна.

ВТОРОЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК

Второй золотой век «Уважаемого общества» начался после высадки союзников на Сицилию 10 июля 1943 г. В сущности говоря, его оживление не было внезапным, оно наступило даже за три года до прибытия англо-американцев. Первые признаки этого можно было заметить еще в 1940 году, когда Италия вступила в конфликт. Вторая мировая война была неожиданной удачей для мафии, ибо периоды ограничений всегда бывают источником прибыли для тех, кто умеет использовать их. Мафия не лишила себя этого удовольствия. На некоторое время ее специальностью стал черный рынок. Например, вся спекуляция талонами на бензин проходит через нее. Но можно действовать еще выгоднее: продавать услуги своему американскому филиалу «Коза ностра». Посредником служит Вито Дженовезе. По всей вероятности, именно благодаря ему Муссолини смог избавиться от журналиста-антифашиста Карло Треска, чьи статьи вредили ему в глазах американской общечественности.

Разумеется, мафия ведет игру на двух досках. Она продается то американским секретным органам, то итальянским коллегам. Впрочем, по-видимому, это выгодно и тем и другим, и они даже рады, что могут договариваться друг с другом через подставное лицо. Именно таким образом были сведены до минимума диверсионные действия в отношении американских судов в портах, находившихся под контролем мафии, а фашисты, со сво-

ей стороны, получали полезные сведения о том, что происходило в Соединенных Штатах.

ДОН КАЛО

Мафию этого периода олицетворял Дон Калоджеро Виццини. В 1940—1954 гг. он был великим капо, играл точно такую же роль, как Дон Вито Кашо Ферро в 1910—1920 гг. Его слава пришла поздно, но от этого она была еще более яркой. Он умер в июле 1954 года не в тюрьме, как его предшественник, и не был убит или отравлен, а скончался в своей кровати после соборования. Ему были устроены грандиозные похороны, на которых присутствовали многочисленные политические деятели, несколько прелатов и все видные представители «Уважаемого общества». Траурное шествие возглавлял его преемник Дон Дженко Руссо. Земле было предано тело не бывшего убийцы, а официального, уважаемого, знаменитого и осыпанного почестями деятеля.

Его жизнь, подобно жизни других выдающихся сицилийских «капо» или американских «боссов», похожа на роман. Он родился 24 июля 1877 г. в Виллалба в семье мелкого крестьянина. Его мать, Туридда Скарлатта, также крестьянского происхождения, но тот факт, что ее брат — священник, который вхож к архиепископу Кальтанисетты, уже роднит ее с более буржуазной средой. Может быть, именно по этой причине Дон Кало всегда поддерживал хорошие отношения с церковью. Два его брата Джованни и Сальваторе стали священниками. Но у маленького Калоджеро — другие планы. В 14 лет он был позором своей семьи: не умел ни читать, ни писать. Но его это не огорчило. Он хотел завоевать славу не на небе, а на земле и как можно быстрее. Что же касается учебы, то он намеревался проходить ее не в школе, а другим, более эффективным и быстрым путем. В тот период в области было много бандитов, о подвигах которых славали легенды. Именно среди них маленький Калоджеро нашел своих первых учителей. В 15 лет он вступил в банду Дзервази, а год спустя — в банду Вассалони, которая была известна, главным образом, своей свирепостью и всегда полными карманами денег. Вскоре его арестовали за убийство, а затем отпустили благодаря вмешательству его дяди священника, того самого, который «вхож к

архиепископу». За первым инцидентом последовало множество других. Не известно точное число убийств, совершенных молодым Калоджеро, но зато известно, что по этой причине он был арестован около пятнадцати раз. Его арестовывали, судили, но почти всегда оправдывали да недостатком улик.

Первая мировая война, наконец, позволила ему летать на собственных крыльях. Армия намеревалась реквизировать лошадей по низкой цене. Какая это находка для молодого члена мафии, одаренного воображением и не испытывающего никаких угрызений совести! Он начал предлагать свои услуги в поставке лошадей. Потом он встретился с владельцами здоровых лошадей и за деньги обещал им свое покровительство в том смысле, чтобы их не беспокоили. И, наконец, он отправился к тем, у кого лошади были почти не пригодны для службы, и купил их за гроши. Чтобы легче сбыть этих кляч, он присоединил к ним несколько прекрасных лошадей, которых украл.

Армия все же в конце концов заметила мошенничество. Она провела расследование и обнаружила виновного. Но добиться вынесения ему приговора не удастся. Улик нет, а свидетели молчат. Для Калоджеро это слава. Теперь он имеет право на титул Дон Кало. Все же пока он лишь один из капо среди множества других. Вскоре он выделится среди всех ему равных благодаря не только везению и живому уму, но и чутью. В 1922 году ему пришла в голову удачная мысль оказать услугу одному молодому фашисту, которого преследовала полиция и которого он спрятал в принадлежавшем ему доме. Затем он передал большую сумму денег сторонникам Муссолини для того, чтобы финансировать «поход на Рим». Благодаря этому в 1929 году, в то время как сам Дон Вито был брошен в тюрьму, Дон Кало ускользнул из сетей полковника Морн и стал регентом королевства мафии.

Но его подлинное коронование произойдет позже, а свою корону он получит из рук американцев через несколько дней после их высадки на Сицилии, когда он станет мэром Виллальбы в 1943 году. Его первый акт на этом посту был очень ловким. Под предлогом инспекции он проник в суд Кальтанисетты, заполучил все досье, которые касались его, и уничтожил их. С этого момента он ничем не рисковал и мог делать все. Именно с той поры Дон Кало начал интересоваться политикой.

Что избрать: сепаратизм современного героя послевоенной Сицилии Сальваторе Джулиано, областную автономию или христианскую демократию? На какую лошадь сделать ставку? Кто выиграет? Колебания Дона Кало были колебаниями всей мафии. Началась напряженная партия. К счастью, Дон Кало — шахматист высокого полета. Он действует медленно, осторожно, но каждый его ход застает противника врасплох. Между тем его метод прост. Он состоит из дальновидности, оппортунизма и цинизма. Дон Кало, который так и не научился читать, конечно, ничего не знает о Макиавелли, но в то же время он его лучший ученик. С тайной помощью Лючано и Вито Дженовезе он вскоре поднял «Уважаемое общество» до вершин могущества.

АМЕРИКАНЦЫ НА СИЦИЛИИ

Когда Соединенные Штаты вступили в войну, Лючано по-прежнему находился в холодной тюрьме Даннемора, которую прозвали «Сибирью». Костелло осторожно управляет в Нью-Йорке. Дженовезе находится в Риме, Неаполе или Палермо. Что же касается Дона Кало, то он уже контролирует почти все коски острова.

По ту сторону океана мафия держится удивительно спокойно. О ней почти не говорят. Между тем еще никогда ее не возглавляли такие способные и авторитетные руководители. Никогда еще ею не руководили лучше и надежнее. Она стала таким могущественным партнером, что правительства вынуждены теперь считаться с ней.

Осенью 1942 года служба военно-морской разведки установила контакт с одним из самых крупных адвокатов руководителей мафии — Мозесом Поляковым. Известный своей ловкостью, он был официальным адвокатом Мейера Ланского. Но секретные службы заинтересовались тогда не этим хитрым евреем, а самим хозяином — Лючано. Они достаточно хорошо осведомлены и знают, что Мейер Ланский — личный друг «большого босса» и что Поляков поддерживает наилучшие отношения с его адвокатом Джорджем Волфом. Не известно, что именно служба военно-морской разведки поручила Полякову сообщить от нее Лючано, когда она открыла для него двери Даннемора и у него состоялась продол-

жительная беседа с глазу на глаз с государственным врагом номер один Соединенных Штатов. Не известно, что сказали друг другу эти два человека, но вскоре после этого Лючано перевели в гораздо более комфортабельную тюрьму, близ Олбани, где он мог свободно общаться с внешним миром.

И наконец, хотя он был приговорен к тридцати пяти годам тюремного заключения, его старый противник Томас Дьюи, бывший прокурор, ставший тем временем губернатором штата Нью-Йорк, сократил приговор до девяти лет и шести месяцев. 9 февраля 1946 г. Лючано был отправлен в Неаполь.

Лишь после опубликования результатов расследования сенатора Кефопера начала проясняться тайна этого странного благодушия. По словам сенатора, Лючано оказал Америке такие услуги, что она не могла не освободить его в знак признательности. Кефопер проявляет большую сдержанность в описании точного характера этих «услуг». Чувствуется, что он не хочет никого ставить в неловкое положение — ни Вашингтон, ни Палермо. Легенда более болтлива.

Она гласит, что благодаря помощи мафии союзники смогли высадиться на острове и полностью оккупировать его в рекордно короткий срок. Вся операция «освобождения Сицилии» была подготовлена в камере Лючано, который при посредничестве Дженовезе и американских секретных служб организовал высадку союзников. Само собой разумеется, что во всей этой истории Дон Кало не мог не играть первостепенной роли. Впрочем, как известно, американцы поторопились вознаградить его, назначив мэром города. Но легенда идет еще дальше. В соответствии с ней Лючано присутствовал на театре военных действий. Он был сброшен на парашюте на остров за некоторое время до решающего дня. Одни утверждают, что видели его в Джеле. Другие рассказывают, что утром 4 июля небольшой самолет пролетал над Виллалбой на незначительной высоте. Над главной площадью он сбросил пакет, завернутый в платок ярко-желтого цвета с инициалом Лючано: большое черное «Л». По-видимому, это было послание, в котором американский босс давал Дону Кало свои последние инструкции.

Легенда это или нет, но действительность остается. 10 июля на рассвете войска союзников произвели высадку. Три недели спустя они полностью овладели островом.

Фашисты бежали или уже находились в тюрьме. Мафия, великий организатор победы, могла торжествовать. Именно в этот самый момент умер старый низложенный король — Дон Вито Кашо Ферро. За него отомстили, а по поводу того, кто должен стать его преемником, не было никаких сомнений. Теперь Дон Кало, именно он, стал бесспорным хозяином воскресшего «Уважасмого общества».

МОГУЩЕСТВО И СЛАВА

В последующие три года мафия Дона Кало добилась могущества. Она смогла сделать это благодаря присутствию американцев, нищете, анархии, которые царили повсюду, войне, которая где-то еще продолжалась. Военную администрацию на оккупированной территории («АМГОТ») возглавлял полковник Полетти, итальянец по происхождению. Его правой рукой и доверенным лицом был не кто иной, как Дон Вито Дженовезе собственной персоной.

Легко догадаться, что вся мафия воспользовалась этой удачей. Американская армия — это техника, грузовики, дешевый бензин, тонны продовольствия и оружия, сигарет и одежды, настоящая пещера Али Бабы, в которой мафия без стеснения черпала товары и перепродавала их на вес золота. Неужели американцы были слепы? Это не исключено. Но более вероятно, что они все знали и попустительствовали. Многие из них, как например, их руководитель, итальянского происхождения. А главное, их слишком хорошо принимали, и они не могли не проявлять снисходительность. При условии, что они будут закрывать глаза, им предлагают то, в чем они нуждаются, может быть, больше всего: вино, любезность и женщины.

Но хотя мафия умеет улыбаться, оказывать пышный прием и создавать атмосферу ликования, в глубине души она остается холодной и дальновидной. В то время как ее гости пьют и развлекаются, она пользуется большим беспорядком, который царит повсюду, для того чтобы получить доступ к архивам трибуналов и сжечь компрометирующие досье. После восстановления мира вдруг заметили, что все судебные досье членов мафии исчезли. Затем она снова прибирает к рукам те земли, которые

были возвращены дворянам при фашизме. Бароны снова вынуждены отдавать ей свои поместья и отправляться жить в города. Но этого ей еще недостаточно. Для того чтобы окончательно прийти к власти, она хочет овладеть ключевыми постами в мэрии, депутатскими местами в парламенте, представительскими постами в различных органах и т. п.

СЕПАРАТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Установление господства мафии над островом не обходится без сопротивления населения, особенно голодающих крестьян. Случается даже, что они бунтуют. Мафия быстро наводит порядок. Она контролирует большое число молодых бандитов и использует их для того, чтобы терроризировать сельские местности. Но голод иногда сильнее страха. Суровой зимой 1943—1944 гг. крестьяне взламывали двери амбаров с пшеницей или проводили демонстрации на улицах Палермо. Потребовалось вмешательство армии, и столкновение было кровопролитным: убито более 100 человек.

Мафия поняла, что нужно занять более гибкую позицию, а главное, отвлечь внимание сицилийцев от черного рынка, коррупции и насилий. Но что другое можно предложить? У нее нет воображения для того, чтобы давать пищу духовную. К счастью, ее друзья из либералов помогли ей выйти из затруднительного положения.

Эти друзья думали не только о том, чтобы набить себе карманы или наверстать время, упущенное в тюрьме или в ссылке. У них были также честолюбивые политические планы. Но в то время, когда они были почти уверены в том, что могут не бояться больше фашизма, они с ужасом обнаружили нового, столь же опасного врага — коммунизм. В этих условиях их тогдашний лидер, бывший депутат-демократ Финокьяро Априле, предложил следующее простое решение. По его мнению, лучший способ противостоять «красной опасности» — это отделить Сицилию от Италии и присоединить ее к Соединенным Штатам, сделав ее 49-й звездой на американском флаге.

Когда проконсультировались с Доном Кало, то сначала он нашел эту идею превосходной. Он усмотрел в этом главным образом возможность для «Уважаемого

общества» слиться с «Коза nostra» и открыть для него и его друзей гигантский рынок. Сами американцы отнеслись к этой идее положительно. Они, конечно, были в восторге от мысли стоять одной ногой в Европе. Благодаря Сицилии они могли бы контролировать весь Средиземноморский бассейн. Перед Финокьяро Априле была открыта зеленая улица, и 9 декабря 1943 г. в Палермо с большой торжественностью провозгласили хартию сицилийского сепаратизма.

Сепаратистская идея тотчас же встретила огромную поддержку. Сицилийцы никогда не признавали полностью итальянцев, и с самого начала, с 1860 года, они всегда более или менее считали их оккупантами. Фашизм лишь усилил эти настроения. Поэтому Финокьяро Априле решил, что наступил удобный момент для организации большого референдума. Но англичане и особенно русские не согласились. Как те, так и другие совсем не хотели, чтобы американцы окончательно обосновались в Европе. С другой стороны, положение в самой Италии быстро менялось. Власть была уже не в руках Муссолини. С некоторых пор она принадлежала маршалу Бадолно, который согласился подписать перемирие с союзниками и даже объединиться с ними против Германии и Японии, на при условии, что Сицилия останется итальянской. Американцам не оставалось ничего другого, как почти немедленно бросить Финокьяро Априле и его мечту.

Как же поступила мафия в связи с крутым поворотом американцев? Ведь она так не любит выбирать. Отказаться от дела, за которое она столько боролась и которое обошлось ей так дорого? Предать союзников, которые были полны доброй воли по отношению к ней? Выглядеть перед сицилийской общественностью так, точно она переметнулась? Или продолжать бороться за идею, которая, как ей теперь известно, обречена на провал? Легко догадаться, что она быстро сделала свой выбор. Но она не может объявить о нем слишком быстро. Поэтому ей снова приходится лавировать. С одной стороны, она продолжает поддерживать сепаратистов, самым знаменитым вождем которых тем временем стал бандит Сальваторе Джуллиано. С другой стороны, она начинает сближаться с левыми партиями, защищающими областную автономию, которую она считает лучшим запасным выходом.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ!

Но мафия быстро поняла, что никогда не сможет договориться с социалистами и уж тем более с коммунистами. Ей, как всегда, нужна крупная консервативная партия. Христианская демократия обеспечивает ей идеальное решение. С тех пор она делает ставку только на эту партию, и только ее она будет поддерживать и оказывать ей помощь, используя все свое большое влияние. Но она пока еще не бросает Джулиано на произвол судьбы. Он может еще пригодиться, например, терроризируя коммунистов, некоторых строптивых дворян или баронов, которые не хотят принимать ее закон. В следующие годы было множество похищений с требованием о выкупе, случаев политического шантажа, разгромов и поджогов штаб-квартир левых партий. Эта кампания террора завершилась бойней в Портелла-делла-Джинестра 1 мая 1947 г., в результате которой погибло 11 ни в чем не повинных людей.

Мафия может похвастаться, что все эти преступления были совершены не напрасно. За все те неприятности, которые они ей причинили, она была вознаграждена уже в 1948 году. В самом деле, 1948 год был годом блестящего триумфа ее партнерши — Христианско-демократической партии на парламентских выборах.

Однако не следует думать, что политика — это единственная забота мафии. Она играет сразу на нескольких досках. Создание Сицилийской области дает ей огромные средства действовать и получать прибыли. Ведь в конце концов очевидно, говорит она себе, поскольку Италия так хочет сохранить Сицилию под своим сапогом, естественно, чтобы она дорого заплатила за эту привилегию.

Впрочем, впервые полуостров полон доброй воли. Он, кажется, искренне желает, чтобы остров наверстал свое экономическое отставание и раз и навсегда покончил со своей вековой нищетой. Италия предоставляет Сицилии миллиарды на постройку школ, больниц, расширение портовых сооружений, обновление и расширение дорожной сети. Какая удача и какая магна небесная для мафии, которая без промедления стала главным предпринимателем на острове!

«КОЗА НОСТРА» ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В силу странного совпадения в 1946 году Дженовезе возвращается в Нью-Йорк, а Лакки Лючано освобождаются. Их дороги скрещиваются. В то время как один из них вновь занимает свое место во главе «Коза ностра», второй водворяется в Неаполе.

Мы уже говорили, почему губернатор Томас Дьюи освободил своего бывшего врага и отправил его на родину. Столь же интересна история возвращения Дженовезе в Америку.

27 августа 1944 г. Дженовезе был арестован в Ноле сержантом Отдела уголовных расследований американской армии Орейнджем Дикки, которому была поручена борьба со спекулянтами черного рынка. Делая свое дело, молодой человек не знал, что он захватил руководителя номер три мафии и что у него никогда не будет более беспокойного заключенного. Но он столь же наивен, сколь честен. У него в руках виновный, и он отпустит его лишь в том случае, если ему будет это приказано самими органами правосудия. Пока что он почти ничего не знает о мафии и тем более о том месте, какое занимает там его узник. Но в силу обстоятельств он очень скоро восполнит этот пробел. Дженовезе, который был столь же удивлен, как и возмущен тем, что с ним обходятся как с простым пиччотти, сначала объяснил промах сержанта глупостью или незнанием. Он попросту предложил ему деньги для того, чтобы тот немедленно освободил его и забыл об этом промахе. Но Дикки смотрит на это по-другому. Вежливо, но твердо он отвечает отказом. Затем удивленный все же тем волнением, какое вызвал в верхах этот арест, он начинает свое расследование. Его ожидает один сюрприз за другим. Прежде всего он обнаруживает неаполитанскую квартиру Дженовезе, такую же роскошную, как квартира какого-нибудь миллиардера. Там он находит в секретере несколько тщательно разложенных пакетов с рекомендательными письмами за подписью высокопоставленных американских офицеров, а также разрешения на поездки. Совершенно естественно он приходит к мысли расспросить полковника Полетти, при котором Дженовезе был переводчиком и доверенным человеком. Но офицер отказывается отвечать ему. Дикки не унывает. Он продолжает свои расследования и начинает рыться в американском

прошлом своего узника. Новая неожиданность: ему сообщают из Нью-Йорка, что мелкий гангстер по фамилии Питер Ла Темпа, находящийся в тюрьме за контрабандную торговлю наркотиками, заявляет о своей готовности дать показания против Дона Вито по поводу убийства, совершенного в 1934 году.

На этот раз Дженовезе испугался. Ему совсем не хочется иметь дело с нью-йоркской полицией. Он предлагает Дикки 250 тысяч долларов, чтобы купить свою свободу. Но тот решил раз и навсегда быть неподкупным. Он отвечает отказом. Дженовезе не может скрыть ни своего возмущения, ни своего презрения. Как может человек, зарабатывающий лишь 210 долларов в неделю, отказываться от богатства?! Но вскоре он снова обретает свою улыбку и, дружески похлопывая сержанта по плечу, говорит, что с радостью вернется в Соединенные Штаты. Вскоре сержант узнал причину этой неожиданной перемены: Ла Темпа только что умер в тюрьме. Он был отравлен. Некоторое время спустя Дженовезе предстал перед судом в Бруклине и был оправдан за недостатком улик.

Возвращение Дженовезе в Нью-Йорк было сенсацией и вызвало некоторое волнение среди семей «Коза ностра». Теперь, когда Лючано выслан в Неаполь, где за ним установили слежку несколько секретных полиций, Дженовезе намеревается занять его место в Америке. Единственный человек, который мог бы помешать ему,— это Фрэнк Костелло. Однако он по видимому, не хочет столкновения со своим грозным противником. Он, как известно, скорее бизнесмен, чем гангстер. Он считает, что всем хватит места и что лучше договориться, чем быть убитым, как Массерия и Марандзано.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СЕМИ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ В ТРИ МИЛЛИОНА

Дженовезе, который разбирается в людях, быстро понял, что ему нечего опасаться главы семьи Лючано. Он тем более доволен, что не хочет навязывать себя с помощью террора. Хотя он был оправдан, он знает, что полиция внимательно следит за ним, и пока не хочет, чтобы о нем говорили слишком много. Впрочем, он и Костелло согласны друг с другом по ряду важных пунк-

тов. В частности, по поводу контрабандной торговли наркотиками оба они проявляют очень большую осторожность. Они не решаются вовлекать «Коза ностра» в эту прибыльную, но полную опасных ловушек сферу. Им небезызвестно, что Бюро по наркотикам — опасный противник, который не останавливается ни перед какими средствами. Для того чтобы иметь время поразмыслить и проконсультироваться с Лючано, который не испытывает особых угрызений совести, они для начала запрещают своим людям торговать героином.

Но жажда наживы велика. Члены мафии нарушают приказы своих начальников. Дженовезе первым дал им на это разрешение при условии, разумеется, что он будет все контролировать. Ведь в конце концов если «Коза ностра» не будет использовать эту золотую жилу, то это сделают другие. Так уж лучше самим эксплуатировать ее. Не часто встречаются такие возможности нажиться.

Для того чтобы удостовериться в этом, достаточно сделать следующее вычисление. В тот период, о котором мы говорим, почти весь опиум прибывал из Турции, где он свободно культивируется. На месте за килограмм опиума платят 70 долларов. Он подпольно переправляется из Стамбула в Ливан и проходит в специализированных лабораториях первую обработку — «спрессовывается» и становится тем, что называют морфием. Из 100 килограммов опиума получают 10 килограммов морфия. Но если вес уменьшается, то цена удваивается. Эти 10 килограммов морфия стоят теперь 15 тысяч долларов. Затем он перевозится в другие такие же тайные лаборатории, например в Марселе; там он проходит новую обработку, и, не меняя своего веса, превращается в чистый героин. На этот раз его цена не удваивается, а утраивается. В Марселе 10 килограммов чистого героина стоят 50 тысяч долларов. Но путешествие не заканчивается. Из Франции драгоценный белый порошок отправляют в Америку через Неаполь или Палермо. Он еще не выгружен в Нью-Йорке, а его цена снова возросла. В Марселе он стоил 50 тысяч долларов, а теперь — 160 тысяч. Но это пока лишь оптовая цена. Из 10 килограммов чистого героина делают 700 тысяч порций. Каждая из них стоит 5 долларов; теперь можно вычислить огромную сумму, которая будет получена: более 3 миллионов долларов. Следова-

тельно, затратив 7 тысяч долларов, можно получить 3 миллиона долларов. Конечно, из этой суммы нужно вычесть многочисленные расходы: лаборатории, транспортировка, посредники всякого рода, но тем не менее размер прибыли остается фантастическим.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРАБАНДЫ

В этой контрабандной торговле наркотиками, которая за короткий срок приобретает всемирный масштаб и приносит тем, кто ею занимается, огромные богатства, Лючано играет очень важную, хотя и таинственную роль.

Как известно, он живет в Неаполе, в вилле на улице Тассо. Его подруга — бывшая звезда театра Ла Скала красотка Иджеа Лиссони. Для того чтобы оправдать свой широкий образ жизни, он купил магазин предметов санитарии и гигиены. Он редко выходит, а как только высовывает нос, то за ним следят сыщики. Кажется, что его единственное развлечение — это скачки. Он ездит туда регулярно. Он немного играет на скачках, и, говорят, некоторые лошади принадлежат ему. Но если его редко можно увидеть за пределами виллы, зато он принимает у себя огромное количество народа. Друзья, которые приезжают отовсюду, регулярно появляются в Неаполе, чтобы позавтракать или пообедать у него.

Это все, что о нем известно.

В 1947 году, имея вполне законный паспорт, он выехал в Гавану. Соединенные Штаты недалеко, и это позволило всем руководителям семей во главе с Каstellо приехать туда для встречи с ним. Это были плодотворные встречи, на которых окончательно решился вопрос об организации контрабандной торговли наркотиками. Бюро по наркотикам, которое как издали, так и вблизи следит за проведением таких операций, настаивает на том, чтобы Вашингтон потребовал от кубинского правительства высылки Лючано. Куба в конце концов повинуется, и Лючано возвращается в Неаполь. Но работа проделана, роли розданы, импульс дан. Лючано должен будет только издали следить за мощным движением, которое оказалось уже сильнее его и которое не сможет больше остановить никто, даже он.

Среди решений, принятых на Кубе, особенно важны два. Первое — направлять все наркотики в Соединенные Штаты. Эта страна, в которой зарегистрировано уже 100 тысяч наркоманов, открывает большой рынок. Следовательно, бесполезно терять время где-то еще. Второе решение — окончательно раздавить конкурирующую организацию — «Синдикат».

Эту щекотливую задачу, в которой нельзя потерпеть неудачу, поручают Костелло. Не теряя времени, Костелло по возвращении в Америку разрабатывает свой план наступления. Он решил начать с главного босса «Синдиката» Бегси Зигеля. Это дело поручено опытному убийце. Все происходит, как в голливудском детективе. Зигель прибывает с визитом к своей приятельнице, красотке Вирджинии Хиллс. Он лениво курит сигарету на террасе, залитой солнцем, когда пуля попадает ему прямо в лоб.

ДРАЖЕ И АПЕЛЬСИНЫ

Представители «Уважаемого общества» присутствовали на совещании на высшем уровне в Гаване.

На этот раз географическое положение Сицилии со служило ей службу. Оно позволило ей стать главным центром контрабандной торговли наркотиками. Кораблям, прибывающим из Бейрута или Марселя, нетрудно пристать к ее пустынным берегам.

В 1946 году Дон Кало вместе с Лючано открывает в предместье Палермо фабрику драже «Сичилиана фаббрика ди конфетти». Это были любопытные конфеты, наполненные белым порошком. Затерялись ли некоторые из них или какая-нибудь работница проговорила сурприз: драже Дона Кало погружают в состояние транса. Никто не успел проверить это. Уже ночью фабрика целиком переехала в другое место. Когда пришла полиция, то не осталось больше ни одной «конфетки». Исчезли даже машины.

Поскольку порт Палермо считается и теперь слишком ненадежным, контрабанда проходит через Кастелламаре-дель-Гольфо. На смену конфетам приходят апельсины. Воспитательные апельсины из воска, которые ловко смешивают с настоящими. На взгляд их не

отличишь от настоящих. На ощупь же они такие воздушные, как те сновидения, которые они навевают.

Успешно используется и третий, хотя и менее поэтический способ: семейные посылки. Каждый третий сицилиец имеет какого-нибудь родственника в Америке. Так почему бы время от времени не напоминать ему о себе и его предках посылкой, отправляя сыр, сардины с ароматичной приправой, фаршированные маслины, засахаренные лимоны и т. д.

КОНТРОЛЬ НАД ПАЛЕРМО

Как известно, одно дело — заработать деньги, а другое — сохранить их. Наркотики внезапно принесли мафии целую кучу наличных денег, но нужно еще поместить их, а еще лучше получать от них доходы.

Поэтому, покинув сельские местности, где капиталовложения стали малоприбыльными, мафия бросается в города с аппетитом людоеда и с соответствующими средствами. Палермо начинает бурно развиваться. За десять лет его население увеличилось вдвое. Город, где строились только дворцы и храмы, мечтает теперь лишь о доходных домах и помещениях для учреждений. Не заботясь о восстановлении своего центра, частично разрушенного войной, город окружает себя стеной из бетона. Это некрасиво, но дает прибыли. Разумеется, царица бала — мафия. Можно догадаться, как происходит дело. В докладе по борьбе с мафией, который будет опубликован позже, прямо говорится:

«Недвижимость, при решающем содействии административных властей, допускаявших нарушения при выдаче разрешений на постройку в секторе градостроительства, стала сферой благоприятной для незаконной деятельности и утверждения незаконной власти, осуществляемой группами, выступающими в качестве паразитических посредников и пользующихся явным попустительством».

В том же докладе изложены удивительные факты. Так, например, стало известно, что четыре человека сосредоточили в своих руках 80 процентов разрешений на постройку. Эти люди даже не являлись предпринимателями или землевладельцами. Один из них — простой черноработчий, второй — кузнец, третий — бродя-

чий торговец, четвертый сапожник. Но это еще не все: менее чем за три года план градостроительства менялся 650 раз. Стоит ли говорить, что проекты, касающиеся озеленения, постройки школ, больниц и спортивных площадок, так и остались в ящиках столов.

Контроль мафии распространяется также на рынки Палермо. Мясным рынком, который имеет ежегодный оборот в десятки миллиардов лир, руководят три главы мафии. Процветающий рыбный рынок также находится в руках нескольких человек. Рынок фруктов и овощей поделен между 54 бессменными комиссионерами. Контроль мафии над ним так силен, что килограмм помидоров стоит в Палермо вдвое дороже, чем в Риме или Милане; это чудовищное положение, так как известно, что Конка д'Оро богата фруктами и овощами, а население Палермо — одно из самых бедных на территории Италии.

Иногда приходится вновь делать какой-нибудь жест по отношению к Риму, например построить школу, хотя бы для того, чтобы отчитаться об использовании кредитов, ассигнованных для этой цели. Здесь мафия, убежденная в том, что нет необходимости уметь читать, чтобы нажить состояние, также проявляет скупость. Постройка технического института и педагогического училища в Палермо стала притчей во языцах. Эти два учебных заведения так обветшали, а учащиеся были там в такой тесноте, что нужно было предпринять что-то. Но что именно? Не могло быть речи о том, чтобы использовать участки, которые могли пригодиться для более прибыльных целей. Тогда решили строить под землей. Учащиеся получили новые лаборатории, но их лишили воздуха и света. Да и то они должны были считать, что им повезло. Большинство учащихся Палермо занимаются в арендованных помещениях, приспособленных к учебному процессу с минимальными затратами. Так, например, в Палермо, как и в Агридженте, почти половина классов находилась в арендованных помещениях. Там можно было изучать историю Италии в какой-нибудь бывшей ванной комнате, освещаемой через крошечное окошечко, которое выходит в темный дворик.

В сельских местностях мафия распоряжалась более нагло. Она получала от государства деньги, предназначенные для школ, которые существовали только на бу-

маге. Далее, она до бесстыдства раздувала штаты. Джордж Омс рассказывает, что в профессиональных училищах провинции Трапани нагло утверждали, будто преподавательский состав насчитывает 1081 человека — на 2629 учеников...

Разумеется, эта погоня за прибылями приводит к многочисленным столкновениям внутри самой мафии. Дона Кало по-прежнему уважают, но ему уже не так повинуются. Точно так же, как и его знаменитый предшественник Дон Вито после первой мировой войны, он вынужден считаться с появлением нового жадного поколения, которому не терпится выбиться в люди. При чем некоторые представители нового поколения уже прошли выучку в американской школе. Тщетно он поручает Дону Руссо, который является его правой рукой, сдерживать «молодых волков»; тот зачастую не справляется с ними. Каждую неделю труп какого-нибудь члена мафии наглядно демонстрирует эти внутренние распри. Когда 11 июля 1954 г. умер Дон Кало, то не было борьбы за то, чтобы стать его преемником. Каждый признавал, что этой чести заслуживает Дон Руссо. Но внутри назревал мятеж. Многие капо, как, например, д-р Наваре из Корлеоне, были зверски убиты своими бывшими помощниками, пожелавшими занять их место.

НОВАЯ МАФИЯ

У новой мафии, которая непосредственно не знала фашизма, войны и тюрем Мори, длинные зубы, и она хочет соперничать со старшими, пренебрегая всякой осторожностью.

Ее возглавляют братья Греко и Ла Барбера. Как и все другие, они нашли состояние на недвижимости. Но их деятельность этим не ограничивается. Они хитры, и у них есть идеи. Они начинают скупать все авторемонтные мастерские и даже строить новые. Затем, поскольку эти мастерские пустуют, они с наступлением темноты выпускают на улицы Палермо целую ораву молодых «пиччотти» с приказом проколоть как можно больше шин. Результат не замедлил сказаться: через несколько дней их мастерские были загружены работой. Некоторым владельцам автомашин пришла в голову злополучная мысль оказать сопротивление. Это было

не к добру. Массовые расправы положили конец их строптивости. Благодаря планам Греко и Ла Барбера Палермо вскоре приобретает вид маленького Чикаго. Там полностью господствует закон сильного.

ВОЙНА В ПАЛЕРМО

Сразу же после смерти Лючано в Палермо разражается кровопролитная и беспощадная война между «младотурками» новой мафии. С одной стороны — братья Ла Барбера, а с другой стороны — братья Греко. Эти две семьи не хотят больше делить друг с другом могущество и богатство. Каждая хочет их только для себя. Военные действия начали братья Ла Барбера, которые убили Кальчедонни ди Пиза, видного члена мафии противоположного клана. Братья Греко тотчас же устроили засаду, в которую попал автомобиль одного из Ла Барбера. Тому едва удалось спастись. С этого момента по ночам в Палермо происходило шумное сведение счетов между «пиччотти» обоих лагерей. Преследуемый по пятам Анджело Ла Барбера был вынужден бежать в Милан. Братья Греко подослали к нему убийцу. В Анджело было выпущено пять пуль, но он все же остался жив.

Тем временем полиция бездействует. Ведь в конце концов эти «дворцовые революции» лишь облегчают ее задачу. Каждый новый труп означает, что одним судебным досье стало меньше. Короче говоря, это помогает ей экономить время и деньги. Но вскоре очень серьезный инцидент заставляет ее отказаться от своего безразличия. 30 июня 1963 г. карабинерам сообщили, что перед домом одного из братьев Греко оставлен какой-то подозрительный автомобиль. Карабинеры отправляются на место и открывают капот. Машина взрывается — и погибает восемь человек. Но на сей раз искалеченные тела — это не трупы молодых «пиччотти», вызывающие к мести, а трупы восьми итальянцев с полуострова. Узнав об этом, общественность возмущается и настойчиво требует принять суровые меры. Правительство не может больше уклоняться. Вскоре в связи с расследованием этой кровавой драмы была создана первая комиссия по борьбе с мафией.

ДЖЕНОВЕЗЕ БЕРЕТ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ

В Соединенный Штатах также наблюдается натиск нового поколения. Чтобы сохранить свою власть, Дженовезе вынужден действовать сурово и быстро. При этом он повел наступление не на самого Костелло, а на его «семью», которая была гораздо более шумной и опасной, чем ее глава. 4 октября 1951 г. первый заместитель Костелло Уильям Моретти был убит двумя выстрелами. Моретти был другом детства Костелло. Оба они родились в Восточном Гарлеме, в одном и том же квартале. Но Костелло и глазом не моргнул. Может быть, он ждал своей очереди. Но ничего не произошло. Возможно, что Лючано отдал приказ не трогать его. Во всяком случае, с тех пор Дженовезе вел себя спокойно. Не известно, что заставило его шесть лет спустя возобновить наступление. Однажды майским вечером, когда Костелло возвращался домой, перед ним, как из-под земли, вырос человек, который выстрелил в него. Костелло был только легко ранен в голову. Было и это простым предупреждением? С того момента Дженовезе оставляет его в покое. Правда, Костелло, который тогда был почти в отставке, не досаждал больше своему сопернику. Верно также, что Дженовезе внезапно пришлось иметь дело с гораздо более опасным врагом в лице лучшего друга самого Костелло — с Альбертом Анастасией, по прозвищу «Буйно помешанный».

Анастасии очень не понравились притязания Дженовезе, и он отказывается признать его главой. Анастасия не один. У него горячие сторонники. Теперь для Дженовезе настала очередь испугаться. Он стал выходить из дома лишь в сопровождении человек пятнадцати, вооруженных до зубов. Однажды он узнал, что Костелло, несмотря на его приказы, тайно встречается с Анастасией. Это уж слишком! Он должен как можно скорее избавиться от Анастасии. Анастасия был убит у своего парикмахера, когда собирался бриться и лицо у него было накрыто горячими салфетками.

Убийство Анастасии и уход со сцены Костелло вызвали серьезные волнения среди семей «Коза ностра». Но в то время, как бушует буря, Дженовезе крепко держит руль. Для того чтобы взять в руки свой маленький мирок, он вызывает главных капо в Аппалачин, в загородный дом одного старого кастелламмарского друга

Джозефа Барбары. В назначенный день — 14 ноября все эти господа садятся в свои машины и отправляются на встречу. Она обещает быть бурной. Некоторые капо были очень недовольны покушением на Костелло. Что же касается смерти Анастасии, то к этому все отнеслись безразлично. Его кровожадность не завоевала ему симпатий. Между тем, несмотря на обвинения, которые неизбежно будут выдвинуты против него, Дженовезе уверен в себе. Впрочем, он не намерен защищаться, а хочет лишь объясниться.

«Коза ностра» насчитывает примерно 30 семей, разбросанных повсюду на территории Соединенных Штатов. Все они представлены в Аппалачине. Капо прибыли не одни, многих сопровождали главные помощники. Таким образом, собралось много народу, и сержант Эдгар Д. Кроссуэлл, который дежурил в тот день, заметил на этой маленькой сельской дороге, где обычно бывает немногочисленно, бесконечную вереницу лимузинов, причем все они ехали в одном направлении. Сначала он был заинтригован, затем у него появилось подозрение, и в конце концов он поставил ограждение и стал проверять удостоверения личности пассажиров. Все эти господа тотчас впали в панику и пустились наутек, точно зайцы. Некоторым удалось бежать, но наиболее пожилых, а их было много, быстро поймали. Таким образом было арестовано 60 членов мафии. При обыске у них было обнаружено более 300 тысяч долларов. Это многовато для того, чтобы провести уик-энд за городом. Но в конце концов им не смогли предъявить никаких обвинений, и все они были отпущены. Несмотря на счастливый конец, облава была сенсационной. Это было пощечиной для всей «Коза ностра» и серьезным предупреждением для Дженовезе. Однако он не учел его в достаточной степени. Год спустя он был арестован за контрабандную торговлю наркотиками и приговорен к 15 годам тюремного заключения.

Арест «вождя всех вождей» ознаменовал начало нескольких черных лет в истории «Коза ностра». Вскоре один из ее членов впервые нарушил закон круговой поруки. В связи с разоблачениями Валаки перед пораженной, а часто и скептически настроенной общественностью, открылись секреты и методы самой могущественной тайной организации, какая когда-либо существовала.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ВАЛАКИ

Однажды июньским утром 1962 года во дворе федеральной тюрьмы Атланты заключенный по имени Джозеф Валаки убил железной трубой другого заключенного — Джона Соппа. Валаки был приговорен к тюремному заключению за торговлю героином. Этот мелкий, никому не известный гангстер с пухлым судебным делом до тех пор ни разу не совершал чего-либо серьезного. После убийства Соппа он отказался объяснить свой поступок. Затем, когда ему сказали, кто стал его жертвой, он признался, что не имел ничего против Соппа, а хотел убить некоего Джозефа из Палермо. Его ввело в заблуждение внешнее сходство между ними. Соппу пришлось поплатиться за другого. И это все. Больше Валаки ничего не сказал.

Еще несколько дней он продолжал молчать, но вдруг внезапно заговорил. То, что он сообщил, было настолько необычно, что вся полиция Соединенных Штатов пришла в движение. Его показания заинтересовали самого министра юстиции Роберта Кеннеди.

Валаки — «солдат» «Коза ностра», и впервые с тех пор, как она существует, а она существует уже почти столетие, член самой знаменитой преступной организации, о которой известно меньше всего, рассказал, каким образом она функционирует.

Между тем Валаки лишь описал свою жизнь с момента рождения в Восточном Гарлеме в 1904 году до убийства Соппа. Но сказанное им было так ново, приподнимало столько завес и содержало столько сведений, что полиции сначала было трудно поверить. Не так прореагировала «Коза ностра», которая обещала 100 тысяч долларов тому, кто заставит предателя замолчать.

Благодаря Питеру Маасу, который смог взять у него подробное интервью, мы почти полностью знаем исповедь Валаки. Он никогда не занимал слишком высоких ступеней в иерархии «Коза ностра», но более 30 лет был очень тесно связан с ее историей. От него стала лучше известна подоплека страшной войны кастелламарцев. Он посещал Массерию, Марандзано, Лючано и входил в семью Дженовезе. Относительно каждого из этих великих капо он сообщил ценные сведения, чаще всего подтверждавшие те, которыми уже распола-

гала полиция. А главное, он рассказал о структуре «Коза ностра», о ее внутренней организации и ответвлениях во всем мире, о ее лексиконе и методах, о способе функционирования семей.

Валаки решил нарушить закон круговой поруки потому, что желал свести счеты со своим капо Дженовезе. Валаки знал, что Дженовезе позволил себе садистскую роскошь по-своему предупредить его об этом. Однажды ночью, когда они находились в одной камере, он сказал:

— Знаешь, когда вскрывают ящик с яблоками, то случается, что там находят гнилое яблоко... Так вот, нужно выбросить это яблоко, а то оно испортит все остальные.

С тех пор Валаки знал, что он обречен. Хотя он находился в тюрьме, окруженной высокими стенами и под охраной стражников, тем не менее он постоянно чувствовал опасность. Каждый заключенный казался ему подозрительным: это, может быть, человек, подсланный Дженовезе и ожидающий лишь удобного момента, чтобы выполнить свой «контракт». Даже пища внушала ему страх: его могли отравить, как Ла Темпу и многих других.

Как только разоблачения Валаки стали известны широкой публике, они вызвали много шума в Америке. Многие в них не поверили. Некоторые газеты обвинили полицию в том, что она хочет «обработать» общественность. «Коза ностра», рассуждали они, — это лишь страшная сказка для взрослых. Несмотря на симпатию, которой Роберт Кеннеди пользовался у своих сограждан, ему было трудно добиться того, чтобы его слова приняли всерьез, когда он торжественно заявил, что организованная преступность касается каждого и «затрагивает сегодня жизнь большинства» из них.

БОРЬБА С МАФИЕЙ

Разумеется, не впервые направляют прожекторы на мафию и решают ликвидировать ее. Уже в период сурового закона велаась суровая борьба, а успехи знаменитых «неподкупных» были записаны на доске почета американской полиции. Позже, в 1952 году, сенатской комиссии во главе с сенатором Кефвером было пору-

чено составить доклад о «синдикате преступности». Результаты ее расследования, опубликованные несколько лет спустя, вызвали пессимизм относительно возможности быстро и легко пресечь преступность.

В самой Италии также возникло возмущение по поводу беспорядков и преступлений, продолжавшихся на Сицилии более чем через 15 лет после окончания войны. После кровопролитного инцидента с автомобилем-ловушкой, оказавшимся причиной смерти восьми carabinieri, общественность энергично выступила с требованиями решительных мер. В конце концов правительство предложило парламенту создать комиссию по расследованию.

Эта комиссия была создана в конце 1962 года под председательством сенатора Пафунди, бывшего крупного судейского чиновника. Ей было поручено изучить «явление мафии» и предложить меры для ее ликвидации.

Комиссия Пафунди, которую быстро окрестили «антимафией», состояла примерно из 30 парламентариев — депутатов и сенаторов от всех партий. При поддержке общественности, которая ожидала быстрых и наглядных результатов, она тотчас энергично и решительно принялась за работу. Для начала она запросила архивы сицилийской полиции и органов правосудия, тщательно изучила все дела и потребовала, чтобы были пересмотрены самые подозрительные. Таким образом, Дон Дженко Руссо, преемник Дона Кало Виццини, был внезапно обвинен в уклонении от уплаты налогов, вынужден внести многочисленные штрафы и в конце концов отправлен в Ловере (Северная Италия) в ожидании суда, который состоялся в 1965 году.

Вскоре Пафунди позволил себе публично сообщить о достигнутых результатах. Его анализ мафии дальновиден и пессимистичен:

«Мафия, — сказал он, — проникла в кровь, в самые сокровенные структуры общества. Она проявляется, главным образом, в атавистическом вызове законам; нарушение законов доставляет сицилийцам истинное наслаждение. Это умонастроение свойственно и богатым, и крестьянам, и судьям, и местным властям, и полиции; оно проявляется повсюду».

Несомненно, стимулированная усердием «антимафии» полиция в свою очередь приходит в движение. Ее

цель — борьба с наркотиками. Теперь она без колебаний тесно сотрудничает с американской полицией и добивается результатов. Были арестованы многочисленные капо и притом некоторые из наиболее высокопоставленных, как, например, Магаддино или Коппола. Все более уверенная в себе, комиссия осмеливается даже выдать ордер на привод самых знаменитых американских боссов — Джо Бонанно или Бонвентре. Стало беспокоить даже самого Лакки Лючано. Его вытащили среди ночи из постели, чтобы допросить. За ним открыто следили, когда он выходил из дома. Не пощадили ни его нервов, ни его здоровья, ставшего слабым. В конце концов тот умер от инфаркта.

В 1968 году после парламентских выборов новая комиссия «антимафия № 2» пришла на смену первой. Ее возглавил Каттанен, молодой депутат из Генуи, полный энергии и усердия. Ему предоставили неограниченные полномочия, но при условии, чтобы он действовал быстро. Он обещал предоставить доклад в 1971 году и слово свое сдержал. Результаты его расследования составляют огромный том. Самая интересная часть касается изучения оптовых рынков и школы, о которой мы уже говорили. Но больше всего итальянскую общественность поразила биография десяти самых видных руководителей «Уважаемого общества», от Дона Дженко Руссо до братьев Ла Барбера, от бандита Лючано Леджо до зловещего д-ра Наварра, который без колебаний сделал смертельную инъекцию двенадцатилетнему пастуху, сочтя его «слишком болтливым».

Кроме этих рассказов, в которых перемешивается страшное и живописное, в докладе Каттанен содержатся также выпады в адрес государственных властей. Он обвиняет их в инертности и трусости, в подозрительной терпимости и сознательном умалчивании, в предоставлении возмутительных кредитов и в непростительных компромиссах и т. д. Каттанен не пощадил даже органы правосудия и полицию. Органы правосудия он упрекает главным образом в робости и медлительности процедуры. Пример: в 1967 году бандит Леджо был оправдан за убийство, совершенное в 1945 году. По отношению к полиции он более суров, считает недопустимыми ее постоянные ссоры с карабинерами и сравнивает их с «двумя зубчатыми колесами, у которых зубья не сцепляются и каждое крутится само по себе». Правда,

полиция и карабинеры находятся в ведении разных министерств. Полиция получает директивы от министра внутренних дел, а карабинеры — от министра обороны. Тем не менее Каттанеи считает, что такое состояние соперничества вредит реальным интересам граждан и выявлению истины.

НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Однако, несмотря на бурю, которая бушует над ними, «Уважаемое общество» продолжает идти своим путем, как будто ничего не произошло. Под самым носом у комиссии по борьбе с мафией оно позволяет себе совершать большое число новых преступлений. Оно уничтожает журналиста Мауро де Мауро, следы которого так и не были до сих пор найдены; в больнице убивает владельца гостиницы Кандидо Чуни; похищает богатого промышленника Антонино Карузо и требует от его семьи выкупа в 150 миллионов лир; и, наконец, 5 мая 1971 г. убивает прокурора Палермо Пьетро Скальоне.

Мафия впервые расправляется с таким высокопоставленным чиновником, и все спрашивают, что могло толкнуть ее на такую крайность. Скальоне давно работал в Палермо и был там очень известен. Незадолго до этого его посетил член комиссии по борьбе с мафией, который упрекнул его за «мягкотелость» в связи с делом Леджо. Был ли он скомпрометирован? Знал ли он что-нибудь такое, что мафия хотела похоронить навсегда? Возможны любые гипотезы, но ни одну из них нельзя выдвинуть с полной уверенностью.

Месяц спустя был похищен сын одного богатого предпринимателя. Говорят, что за него потребовали выкуп в 300 миллионов лир.

Все эти преступления, и особенно убийство прокурора Скальоне, вызвали сильное возмущение, которое было быстро раздуто прессой. Когда от полиции потребовали, чтобы она начала действовать, она арестовала всех членов мафии, которые попались ей под руку. Первый контингент был отправлен на остров Линоза, а второй — на остров Филикули. Ее усердие этим не ограничилось: в последующие месяцы она выдала еще более 100 ордеров на задержание.

Трепещет ли по крайней мере «Уважаемое общество»? По-видимому, нет. На острове Филикули его руководители только и говорят, что о будущем, хотя им там тесновато и не хватает комфорта, который они так любят.

РЕАКЦИЯ АМЕРИКИ

«Уважаемое общество» заставляет много говорить о себе. Не отстает от него и «Коза ностра», хотя зачастую это происходит вопреки ее воле. Общественность все лучше и лучше осведомлена о ней. За докладом Кеффера последовал доклад Маклеллана в 1965 году. Три года спустя была опубликована книга Питера Маса «Мафия», где содержались сенсационные разоблачения «солдата» Валаки. С тех пор «Коза ностра», настоящее название которой впервые было громко произнесено, стала для Соединенных Штатов врагом номер один. Борьбу возглавил Роберт Кеннеди. Используя все средства, имевшиеся в его распоряжении, для того чтобы уничтожить самого страшного дракона, какого когда-либо министр юстиции встречал на своем пути, он обратился за поддержкой к общественности. Сначала она довольно вяло последовала за ним, но затем мало-помалу начала сознавать масштабы зла, которое стали сравнивать с раком, настоящим раком Америки.

22 ноября 1963 г. в Далласе был убит президент Джон Кеннеди. Это было травмой для всей Америки. Преступление было совершено грубо, почти открыто. Несколько лет спустя настала очередь Роберта Кеннеди. Говорили о роковом совпадении, но каждый американец чувствовал, что тут что-то неладно. Преступность распространялась все больше. Она была похожа на плесень.

Вполне вероятно, что мы никогда не узнаем, какую именно роль сыграла мафия в этих двух преступлениях. Убийцы братьев Кеннеди почти безлики. Полиция и психиатры тщетно пытались воссоздать их прошлое и объяснить их поступок. Они напоминают скорее простые пешки на гигантской шахматной доске.

СЕГОДНЯШНЯЯ МАФИЯ

Подобно Дону Вито Кашо Ферро, Дон Дженовезе умирает в тюрьме. Ему только что исполнился 71 год. Хотя он уже многие годы находился в заключении в Спрингфилде, о нем не забыли. Его смерть — это событие, о котором заговорила вся американская печать. О бывшем хозяине мафии писали на первых страницах газет. Газеты спрашивали, кто будет его преемником. Называли имена нескольких кандидатов: Майка Миранда, Карло Гамбино и Томаса Эболи. Чаще всего упоминали Эболи. Было известно, что он принадлежал к «семье» покойного, и именно ему Дженовезе отдавал предпочтение. Но выборы в «Коза ностра» остаются секретными. Несмотря на свое любопытство, Америка не узнала, кто будет новым королем подонков.

Разумеется, от всех этих глубинных изменений появляется немного пены на поверхности. Взятие власти никогда не обходится без кровопролитий.

Все начинается с убийства Джо Коломбо под памятником Христофору Колумбу в присутствии 10 тысяч человек 29 июля 1970 г. Ходят слухи, что убийце-негру заплатил Гамбино. Убийство Коломбо было началом новой войны, напоминавшей ту, которую вели в свое время Массерия и Марандзано. Вскоре в ресторан был убит в день своего 43-летия Джо Галло, который являлся правой рукой Коломбо. Некоторое время спустя настала очередь фаворита Эболи, бывшего капореджиме Дженовезе. Теперь остаются только Миранда и Гамбино. Но ненадолго, ибо на горизонте уже появляется «аутсайдер» — Джо Бонапно. Продолжается борьба за первое место.

Все эти сенсационные сведения счетов привлекают внимание публики, обратившей свои взоры к преступному миру, которому президент Никсон торжественно объявил войну. В свою очередь прокурор Нью-Йорка вызвал сенсацию, заявив, что прибыли мафии превышают доходы десяти крупнейших компаний страны. «Если бы «Коза ностра» захотела, — заявил он, — то она могла бы купить «Дженерал моторс» или «Дженерал электрик».

В самом деле, почему бы ей не пожелать этого? Известно, что Мейер Ланский, современник и друг Лючано, живший в Майами, а затем в Тель-Авиве, долгое

время служил посредником, помещая деньги «Коза но-стра» в швейцарских банках, чтобы «обелить» их.

Сумма долларов преступного происхождения, кото-рые были таким образом «отмыты», так велика, что американское правительство в конце концов встрево-жилось. В 1970 году оно оказало нажим на швейцарское правительство, требуя, чтобы последнее положило ко-нец пресловутому банковскому секрету. Ради интересов своих наиболее честных клиентов и не желая, чтобы уплыли ценные капиталы, Швейцария ответила следу-ющим образом: банковский секрет отменят, «когда бу-дет доказано, что действительно речь идет о счетах, связанных с организованной преступностью...».

Америка, которой Швейцария дала дипломатичес-кий отказ, попыталась тогда договориться с Турцией о том, чтобы та сократила производство опиума, а затем с Бирмой о том, чтобы она выращивала меньше индий-ской конопли. Но в этом отношении она не добилась удовлетворения, по крайней мере немедленного. На-званные страны не хотели, чтобы их крестьяне умерли с голоду из-за того, что американцы неспособны нала-дить работу своей собственной полиции.

ПОКА ЕЩЕ НЕИЗВЕДАННЫЕ ПУТИ

Тогда Бюро по наркотикам США обратилось к итальянской и французской полиции с требованием при-нимать более энергичные меры против граждан, заме-шанных в торговле наркотиками. С этой стороны оно добилось некоторого успеха. В Марселе и Неаполе бы-ло закрыто несколько подпольных лабораторий.

Но все эти демарши и операции проводятся медлен-но, и у мафии достаточно времени для того, чтобы обра-титься к другим поставщикам и использовать иные пути для переправки своего ценного товара. Отказавшись на некоторое время от Европы, она пользуется для своей контрабанды пока еще неизведанными путями Латин-ской Америки и Мексики.

Мафия знает, что у себя в Америке она в общем-то почти ничем не рискует. Она контролирует большинство аэропортов. С другой стороны, а это немаловажно, чис-ло наркоманов не перестает увеличиваться. Следова-тельно, рынок еще далеко не истощился.

Вся проблема именно в этом. До тех пор, пока люди согласны платить, чтобы удовлетворять свои пороки, «Коза ностра» будет могущественной и процветающей. С этим ничего не поделаешь. Мафия — это лишь один из паразитов, паразит номер один нашего общества. Для того чтобы полностью избавиться от него, нужно прежде всего уничтожить связи мафии с государственными и политическими властями как в Соединенных Штатах, так и в Италии.

Сдано в набор 18.12.90. Подп. в печать 7.03.91. Формат 84×103¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36.
Тираж 200 000 экз. Зак. 15. Цена 3 р. 50 к.

Ассоциация «Альфа-интер», Москва, проезд Загорского, 23,

ИПЦ «Крутицкий», 109014, Москва, Крутицкий вал, 18.

Типография ИПО ВКП СССР Профиздат,
109014, Москва, Крутицкий вал, 18..

ИСТОРИЯ МАФЫ